

Игра мудрецов

Автор:

Екатерина Соболев

Игра мудрецов

Екатерина Соболев

Дарители #3

В третьей книге саги «Дарители» мы снова попадаем в волшебное королевство. Сердце волшебства вернулось, повсюду люди находят свои дары, здесь и там пробуждаются после трехсотлетней спячки волшебные существа – и не только добрые. А значит, Генри придется оставить лук и стрелы, взяться за меч, сесть на коня и отправиться в поход, словно старинный белый рыцарь из сказок. Ему предстоит не только сразиться со страшным Зверем, пробудившимся в Разноцветных скалах, но и стать мудрее и узнать о себе то, о чем и не подозревал, ведь «путешествие важнее места назначения».

Е. Соболев

Игра мудрецов

В серии «Дарители» вышли книги:

1. Дар огня
2. Короли будущего
3. Игра мудрецов

© Е. Соболев, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

Пролог

Я всегда знал: от местечка под названием Злобные скалы ничего хорошего ждать не стоит.

Говорят, давным-давно, во времена волшебства, это место вовсе не было «злобным», и добывали тут все виды камня, какие есть на свете. А потом дары пропали, не стало храбрых каменотесов, и больше никто в эти скалы не лез: можно заблудиться, а можно и шею сломать.

Наша деревня прямо у подножия стоит, но мы в горы, ясное дело, не ходим: ни птицы, ни звери там не водятся, ничего не растет, а чтобы ценные камни откалывать, нужны волшебные инструменты, как у предков. И жили мы в тени этих разноцветных вершин мирно и тихо, пока мой отец не решил, что хочет стать каменотесом.

В тот день, которого мне теперь никогда не забыть, отец потащил нас с Лоттой прямо в Злобные скалы.

– Зря их все так боятся, – заявил он. – Меня уже пару дней туда тянет и днем, и ночью. Брожу и никак не налюбуюсь! Я раньше даже не замечал, что камни такие красивые и что все ущелья разные, не заблудишься. Хотите увидеть стену из сияющего красного камня? А заодно поможете мне кое с чем. Я придумал, как отколоть несколько кусков породы, но силенок моих не хватает, а вы у меня вон какие вымахали!

Отец всю жизнь сражался с нашей бедной каменистой землей за скудные урожаи моркови, и я никогда не видел его таким веселым, как в последние дни.

– А вдруг он умом тронулся? – зашептал я на ухо Лотте, едва за ней поспевая. Она шла охотно, будто вовсе не боялась. – Что значит «придумал, как отколоть камни»? Так же не бывает! Чтобы сделать что-нибудь, нужны знания, предками данные, а ни с того ни с сего придумывать, что хочешь, только во времена Сердца умели.

Мы шли вслед за отцом по извилистому ущелью. Мне здесь совсем не нравилось, но кто же родителя ослушается? И тут Лотта странно на меня посмотрела и сказала:

– Слушай, Петер. А что, если Сердце волшебства нашли?

Я прямо со смеху покатился. Скажет тоже! Но Лотта и дальше свое гнула:

– Герда вчера, когда мы в последний раз виделись, спела мне песню. Она раньше пела, как мы все, еле-еле. А тут... Я прямо заслушалась! А Бьорн вдруг проснулся силачом. Герда говорила, мешок картошки одной рукой подкинул, она сама видела. На что это, по-твоему, похоже? На дары, как в сказках!

Говорила она тихо, отец бы ее все равно слушать не стал, кто женщин-то слушает! Ну, кроме меня. С тех пор как мама умерла, Лотта мне вместо нее, хоть всего на три года меня старше.

– Если они у нас такие даровитые, чего сбежали? Они бы и тут неплохо устроились, – проворчал я, через силу делая сердитый вид: уж очень мне хотелось, чтобы слова Лотты правдой оказались.

– Сама не пойму, – вздохнула Лотта, глядя на яркое предзакатное небо. Отцу совсем разум отшибло, если он вздумал пойти в Злобные скалы к вечеру. – Герда мне вчера сказала, что идет искать какое-нибудь тихое место, чтобы в пении тренироваться. А потом, наверное, передумала и с любимым сбежала – ее матери Бьорн никогда не нравился. Романтично, да? Вот бы мне так.

Я поежился, носком сапога отбрасывая с дороги камешки. Из нашей деревни иногда убегали те, кто не хотел всю жизнь копаться в скупой земле и разводить кур, но я точно знал, что никогда так не сделаю. Кто дом бросает, сразу погибает, так мама говорила.

– Вдруг она не сбежала, а пошла петь сюда? Местечко тише некуда, – сказал я, просто чтобы поспорить. – И Бьорн с ней, вместе и заблудились. Никто их больше не видел, вот и решили, что они сбежали.

– Глупости, – фыркнула Лотта. – Раз уж Бьорн теперь такой силач, забрался бы повыше да нашел путь обратно.

– Он не успел! Знаешь, что бывает в сказках с теми, кто идет в заброшенное жуткое место, как мы сейчас? – заунывно протрубил я Лотте в ухо. – Их кто-нибудь съедает!

Лотта посмотрела на меня как на дурачка и собралась было спорить дальше, но тут кое-что произошло.

Из разлома в скале стрелой вылетела мелкая птичка и уселась Лотте на плечо. Та взвизгнула и отмахнулась, но птица осталась на месте.

Отец, шагавший впереди, обернулся, и глаза у него стали круглые, как тарелки. В скалах никакая живность не водится, а тут откуда-то появились еще две птицы и начали виться вокруг Лотты, бешено молотя крыльями.

Лотта медленно приоткрыла зажмуренные глаза, вытянула руки ладонями вверх – и птицы, щебеча захлеб, уселись на них.

– Я... Я понимаю их язык, – одними губами проговорила моя сестра, и никогда еще она не казалась мне такой красивой, такой важной, как в эту минуту.

– И что они говорят? – шепотом спросил я.

Лотта будто очнулась, замороженное выражение на ее лице исчезло без следа.

– Они говорят: «Бегите».

И тут щебет птиц внезапно оборвался, потому что в скалах раздалось совсем другое пение:

– Мы вернемся однажды домой,

Даже если уже будет поздно,

Ведь далекие яркие звезды

Нас в ночи поведут за собой.

Я и не думал, что эта старая простенькая песенка может звучать так удивительно, – она вливалась в уши, текучая, как масло, звенящая, как серебро.

– Герда! Это она! – крикнула Лотта и помчалась на голос, а я хотел ее остановить, но не смог: ноги будто прилипли к земле.

– Как красиво, – пробормотал отец.

Я вдруг понял, что голос переместился, словно его обладатель сделал огромный прыжок. Теперь пение раздавалось с другой стороны, но отец будто не замечал: вместо того чтобы идти за Лоттой, он пошел на голос. Я кричал ему вслед, но он не обернулся. Голос накрывал меня, как волна, и я осел на землю, закрыв ладонями уши. Он становился громче, а я сжимался сильнее и ничего не понимал, кроме одного: мне нельзя идти туда, куда он зовет. Потом пение стихло. Упершись лбом в каменистую землю, я пытался отдышаться. Мне почему-то казалось, что кто-то сейчас схватит меня за плечо, но ничего не произошло, и я выпрямился.

В лесу было тихо. Захлебываясь воздухом и слезами, я позвал отца и Лотту. Никто не откликнулся.

Отца я нашел всего в тридцати шагах. Он лежал под скалой из белого камня, глядя в небо. Кровь была на его волосах и на скале, будто отца ударили об нее головой. Но с какой же силой надо было ударить, чтобы он... Я зарыдал, прижавшись щекой к его неподвижной груди. Мне казалось, что сердце у меня

расколосось надвое, как в любимых сказках Лотты о героях с разбитым сердцем, которые отправляются в далекое путешествие, чтобы его склеить.

Только я не был героем. Мне было тринадцать, и я хотел только одного – чтобы Лотта вернулась, оплакала отца вместе со мной, и мы отнесли бы его домой.

Этого не произошло.

Лотту я нашел благодаря птицам. Они щебетали как сумасшедшие, кружились над ней, будто хотели, чтобы она им ответила. Я лег рядом с ней. Остатки моего сердца крошились, как зерна под мельничным жерновом.

А потом я заметил, что она еще дышит, и опять заплакал, на этот раз – от облегчения. Но сколько я ни звал Лотту, сколько ни тряс, она не просыпалась, и кожа ее была холодной и влажной, как у лягушки.

– Только я могу ее разбудить, – сказал кто-то совсем рядом.

Голос был мужской, низкий и звучный. Я вскочил, озираясь. Он раздавался совсем близко, но я никого не видел.

– Как твое имя? – спросил он.

Вот теперь я понял: тот, кто говорил, прятался за широким выступом скалы, но я был слишком напуган, чтобы заглянуть туда.

– Петер, – пролепетал я. – А твое?

Он засмеялся, и от этого смеха птицы, по-прежнему носившиеся вокруг, умолкли.

– Вы, люди, вечно зовете меня одинаково, но мне не нравится это прозвище. Лучше зови меня, скажем, Зверем. Ну, а теперь сделай то, что должен, Петер-скрипач.

Последнего слова я никогда не слышал – наверное, какое-нибудь ругательство.

– А что я должен? – Я сел обратно на землю и сжал холодную руку Лотты.

– Иди и найди белого рыцаря, конечно. Что за глупые вопросы?

– Белых рыцарей нет уже лет триста, где мне его взять?

Хм. Похоже, Сердце волшебства искали довольно долго, – задумчиво проговорил Зверь. – Ладно, найди мне самого храброго юношу в ваших краях, расскажи ему, что случилось с твоей прекрасной сестрой, и пусть он явится и бросит мне вызов, чтобы спасти ее.

Я засмеялся трясущимся, безумным смехом. Конечно, я знал легенды о белых рыцарях и понял, что нужно Зверю, но...

– Никто не придет! Кто в своем уме покинет дом, чтобы помочь неизвестно кому? Такое только в сказках бывает.

Зверь тяжело вздохнул:

– Хочешь сам сразиться со мной за жизнь сестры, раз так трудно найти героя? Ты, конечно, не слишком подходишь, но это лучше, чем ничего. Ну как, бросаешь мне вызов?

Я затряс головой.

– Ты просто убьешь меня. Как убил моего отца, – с трудом проговорил я. От страха у меня онемели губы. – Я не умею драться.

Зверь вздохнул еще тяжелее.

– Ну, вот что, Петер. Я придумал, где найти того, кто нам нужен. Надеюсь, в вашем новом мире королевский дворец на месте? Вот и славно. Ни за что не поверю, что там не найдется глупого мальчика, жаждущего подвигов. Отправляйся во дворец и скажи вот что...

И он объяснил мне.

– Не могу же я послать какого-то парня на верную смерть! – выдавил я, изо всех сил стиснув руку Лотты.

– Разве есть что-то важнее, чем семья, Петер? Обещаю, когда с рыцарем будет покончено, я покину эти края. А ты сможешь вернуться домой, и сестра будет ждать тебя там, живая и невредимая. До встречи, Петер-скрипач.

Я поглядел на Лотту. Сквозь слезы я с трудом ее видел. Она лежала на земле, неподвижно, как мертвая, – но ее грудь едва заметно вздымалась.

– Зачем ты убил отца и Бьорна с Гердой? – хрипло спросил я. – Лотта тебе нужна, чтобы приманить рыцаря, но зачем...

– Такова уж моя природа. Ты, кажется, не понял, с кем говоришь, Петер, – с мягким смешком сказал Зверь. – Взгляни, не стесняйся.

Он вышел из-за скалы – и я закричал.

В деревню я больше не вернулся, нет, я сделал то, что велел мне Зверь: отнес королю весть.

Все началось с меня, Петера-скрипача, но это – не моя история. Она о том, кого я встретил во дворце, и когда-нибудь я расскажу своим детям, что был знаком с ним. Уверен, вы о нем уже слышали. Его зовут Генри.

Глава 1

Прекрасный новый мир

В ту ночь Генри приснилась земля – черная, остро пахнувшая сыростью. Он стоял на коленях и торопливо закапывал что-то, натываясь руками на древесные корни. Издалека кто-то звал его, но Генри только копал быстрее, задыхаясь от страха. Собственные ладони казались слишком маленькими, будто он превратился в ребенка, и даже во сне Генри знал: пока за ним не пришли, он должен кое-что спрятать, похоронить как можно глубже, чтобы никто никогда не нашел, и...

И тут сон разорвался, как старая бумага, потому что у Генри над ухом кто-то запел.

– Встречай чудесный новый день,

Иначе утро зря пройдет!

Забудь про сон, забудь про лень,

Проснись, тебя удача ждет!

Сладкий, как земляника, голос выводил все это с таким наслаждением, будто нет на свете ничего приятнее, чем петь, и Генри вдохнул глубже, просыпаясь.

– Коль утром слышишь голос мой,

Удачу приручить сумеешь!

Проснись, дружок, и пой со мной,

Иначе очень пожалеешь!

Генри приоткрыл глаза – и одним движением скатился с кровати. Над ним порхала птица вроде дрозда, только с радужным оперением. Генри вжался в стену и потянул к себе подушку – будет чем отбиваться. Интересно, куда делся тот, кто только что распевал? Комната была пуста: только он сам и...

– Что за дела? Брось подушку! – гневно заклекотал дрозд. – Я тут из сил выбиваюсь, пою для него, а он!

Генри стиснул подушку крепче. За последний месяц он видел немало всяких странностей, но со сна говорящий дрозд застал его врасплох.

– Три сотни лет без волшебства, и у людей уже провалы в памяти! Неужели обо мне книг не написали? Нет, правда, не узнал меня? Не разыгрываешь? – Дрозд сел на одеяло и начал подпрыгивать, поворачиваясь вокруг своей оси. Его перья переливались так, что Генри сощурился. – Ладно, тогда позволь представиться. Я дрозд-разбудильник. – Он перестал крутиться и поклонился, прижав крыло к груди. – Любой знает, если утро начинается с моей песни, значит, впереди чудесный денек! Ну, и где приветствия? Где благодарность?

Генри зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. Кажется, от трехсотлетнего сна у дрозда-разбудильника что-то случилось с умением определять время: воздух за окном был бесцветно-серым, ни намек на рассвет.

– Лети, ничего я тебе не сделаю, – пробормотал Генри и в знак примирения выпустил подушку из рук.

Дрозд вытаращил глаза.

– Ты – мне? – пискнул он тонким, пронзительным голосом, похожим на звяканье пригоршни гвоздей. – Ну и невежа! С волшебными существами надо говорить учтиво, юноша, и я тебя проучу! Ты увидишь силу моего гнева! Так-то! – Дрозд запрыгал по одеялу, смешно вскинув крылья. – Волшебство вернулось, и теперь уж повеселимся! Не научишься хорошим манерам – пощады не жди.

Он напоследок ткнул в сторону Генри крылом, как указательным пальцем, и попытался вылететь в окно, но промахнулся и с глухим стуком впечатался в раму. Кажется, обращаться с крыльями после стольких лет бездействия было не так-то просто. Генри уже поднялся, чтобы проверить, не сломал ли себе бедняга что-нибудь, но, очевидно, волшебный дрозд был довольно крепким существом, потому что при виде Генри только сердито свистнул и со второй попытки выпорхнул наружу.

Еще несколько секунд в саду раздавалось хлопанье крыльев, потом все стихло, и Генри рухнул обратно на кровать. Какие неприятности могут быть от крохотного создания, которое занимается тем, что будит людей и желает им доброго утра? Генри с наслаждением уткнулся в подушку, и глаза у него тут же начали слипаться – накануне все праздновали и легли за полночь, а после трех недель приключений он бы спал и спал дни напролет, вот было бы...

Мимо двери простучали чьи-то шаги, и Генри распахнул глаза. Та часть дворца, в которой ему выделили комнату, была почти заброшенной, везде только пыльные запертые двери. Кому понадобилось разгуливать здесь в такое время?

Неделя, проведенная во дворце, научила Генри, что ко всему тут лучше относиться с подозрением, а инстинкт охотника разбудил его так резко, как не смог бы никакой волшебный дрозд. Он натянул одежду, прихватил тяжелый подсвечник и выскользнул из комнаты. За ближайшим поворотом коридора послышался душераздирающий скрип, и Генри, держа подсвечник наготове, бесшумно подобрался к незнакомой двери. Судя по облаку пыли, которое висело в воздухе, ее не открывали уже давным-давно.

Генри заглянул в комнату и с облегчением выдохнул. Король открывал большое, в половину стены, окно, кряхтя сражаясь с заклинившими рамами. На столе, покрытом толстым слоем пыли, стоял поднос с дымящимся чайником и чашкой. Генри хотел скрыться, но король уже заметил его и улыбнулся, даже не вздрогнув от неожиданности.

– А, друг мой, тоже не спится? Тогда составьте мне компанию. – Король показал Генри на одно из пыльных кресел. – Это была любимая комната моей жены – вид отсюда открывается невероятный.

Никаких предубеждений против пыли у Генри не было, так что он сел, куда велели. Король устроился напротив, но тут же встал снова, вытащил из шкафа чашку, протер ее куском кружевной ткани, лежавшим на подносе, и взял себе, протянув Генри чистую. А потом разлил чай и со счастливым вздохом откинулся на спинку кресла, держа одной рукой чашку, а другой – маленькую тонкую тарелку под ней.

– Дела у нас принято решать на восходе солнца – светлое время дорого, когда на закате все ложатся спать, – пояснил король, бесшумно глотнув чаю. – Я назначил на семь часов первое заседание королевского совета новых времен и всю ночь не могу заснуть. Думаю о вопросах, которые надо обсудить. Набралось уже больше сотни.

Улыбка у него была молодая и веселая, как будто в обществе Генри он не стеснялся улыбаться так, как хочется, а не так, как положено королю. Генри кивнул, не зная, что ответить, и король продолжил:

– Кстати, один из вопросов такой: я ведь не успел вас спросить, какую награду вы хотите за свои подвиги. Не стесняйтесь, говорите.

Генри пожал плечами, пытаясь отхлебывать чай так же тихо, как король. Вещи, которые люди считали ценными, вроде денег и старых предметов, его не интересовали. То, что король не прогнал его из дворца, а даже пил с ним чай, само по себе было отличной наградой.

– А вы не болтун, – мягко сказал король, подливая ему чаю. – Может быть, расскажете о своей семье?

Генри отвел взгляд. Неужели король как-то догадался, что Освальд – его отец?

Увидев лицо Генри, король примирительно вскинул руку.

– Самый обычный вопрос. Считается, что какая семья, такой и человек. Уверен, ваши родители – достойнейшие люди.

Генри молча втягивал в себя чай. Он внезапно подумал: может, хотя бы его мать была достойнейшим человеком? Вот бы что-нибудь про нее узнать. Но рассчитывать на это было нечего – отец за всю жизнь не сказал о ней ни слова, а сам Генри даже не помнил, как она выглядела.

– Позвольте спросить у вас еще кое-что, – прервал его мысли король. – Ваш дар... Вы можете его контролировать? Мы в безопасности, верно?

– Конечно, – еле слышно сказал Генри.

– И если, например, пойдет дождь, вы не будете... странно себя вести? – уточнил король.

Генри выдавил улыбку. Он вспомнил, как ужасно чувствовал себя, когда вымок под ливнем после того, как его дар вошел в полную силу.

– Я еще не разобрался, – пробормотал он. – Но, по-моему, ничего страшного.

– Хорошо, – с облегчением закивал король. – Да, конечно, вы ведь не такой, как люди с даром огня в старых легендах. Вы хороший человек, и, надеюсь, вас водой не убьешь.

– А что, кого-то убивали? – натянуто спросил Генри.

Король так внимательно на него смотрел, что начинало казаться, будто все эти расспросы – какое-то испытание, но Генри не понимал, в чем его суть.

– В старину людей с даром огня держали взаперти. Но если они вырывались на свободу и начинали убивать, с ними приходилось расправляться, – сказал король, не отводя от него напряженного взгляда. – Их сажали на цепь и постоянно обливали водой. Когда разрушитель испуган или зол, вода причиняет ему ужасную боль, и постепенно он сходит с ума и гибнет. Одни умирали быстро, другие – через недели или месяцы. Никогда не мог понять, зачем Барс выдумал дар, который причиняет страдания даже его обладателю.

Генри тупо смотрел на свои руки. Вот теперь он понял, что король был не так уж жесток, когда посадил его на цепь в Цитадели. Хоть водой обливать не приказал. Понял он и кое-что еще: король не просто так все это говорит. Он предупреждает, что будет, если Генри не сможет удержать дар огня под контролем.

– Я никому ничего плохого не сделаю, – с нажимом сказал Генри, и король кивнул, будто этих слов было вполне достаточно.

– Ну и славно. Тогда можете оставаться во дворце сколько захотите.

– А если я вообще не хочу уезжать?

– Мы будем только рады, – с улыбкой ответил король, и Генри неловко улыбнулся в ответ. – Уверен, вы принесете огромную пользу и совершите еще множество героических деяний. Извините, что из меня в такое чудесное утро получился неприятный собеседник. – Лицо у короля просветлело, словно ему в голову пришла отличная идея. – Кстати, о собеседниках. Вы отлично поладите с моим сыном – представляю, сколько у вас найдется общих тем! Идемте, я вас отведу. По пути сюда я слышал, что он уже встал.

Вот это было действительно странно: вчера Эдвард ушел с праздника первым, шатаясь от усталости, и сказал, что ляжет спать, – так с чего ему подниматься до рассвета? Но возражать Генри не стал – он запоздало сообразил, что король, видимо, пришел в эту комнату, чтобы побыть в одиночестве.

Они пошли куда-то пустыми, гулкими коридорами и остановились перед дверью, из-за которой раздавались глухие удары. Король повернулся к Генри с таким видом, будто хотел за что-то извиниться.

– У него довольно необычное увлечение, не пугайтесь. Уверен, он будет рад вас видеть.

Генри был в этом совсем не уверен, но король уже постучал в дверь. Удары сразу затихли, но шагов было не слышно, как будто Эдвард решил срочно сделать вид, что спит.

– Открывай, это приказ, – сказал король.

Дверь приоткрылась на ширину ладони.

– Доброе утро, Эдвард! – произнес король таким фальшиво бодрым голосом, что Генри поморщился, как от скрипа ногтей по камню. – Развлеки нашего гостя беседой, будь так добр. Ему наверняка интересно послушать о дворцовых правилах, традициях и подобных интересных вещах. Вы могли бы осваивать небольшую часть этой науки каждый день, если ты не против.

К чему король клонит, было ясно. Видимо, Генри даже за сегодняшний их разговор нарушил кучу правил: не так сел, не так встал и не так пил чай.

– Доброе утро, – натянуто проговорил Эдвард. – Я немного занят.

– Эдвард, я король и твой отец, будь добр слушаться. Ты в истории с Сердцем и короной не слишком-то отличился, так, может быть, хоть сейчас сделаешь что-нибудь полезное?

Дверь распахнулась.

– Чувствуй себя как дома, – сказал Эдвард, глядя на Генри так, будто мысленно желал ему провалиться сквозь землю.

– Вот, другое дело! – улыбнулся король. – А я пойду готовиться к совету, нужно продумать речь.

– Ты созвал королевский совет? – выпалил Эдвард. – Можно мне...

– Нет. Ты еще слишком молод.

– По уставу принц имеет право участвовать в совете с семнадцати лет. Мне восемнадцать.

Король открыл рот, выдумывая подходящий ответ, и наконец сказал:

– Я рассмотрю этот вопрос в следующий раз.

Они смотрели друг на друга, пока Эдвард не опустил глаза.

– Хорошо, отец, – пробормотал он, и король ушел, дружелюбно кивнув Генри на прощание.

– Ого, – присвистнул Генри, заходя в комнату.

По сравнению с ней бледнели самые роскошные дворцовые залы. Все поверхности здесь были выложены плитами золотистого камня разных оттенков, у стены полукругом стояли три дивана, обитых мерцающей тканью, – такие огромные, что на них могли бы расположиться человек по семь.

– Твоя комната, она такая... золотая, – фыркнул Генри.

– Это не моя комната, – утомленно ответил Эдвард. – Она называется, не поверишь, Золотая гостиная.

Генри обошел ее кругом. На стенах были развешаны листы бумаги, пестро разрисованные животными, птицами и людьми, и Генри сразу понял, что предки

никакого отношения к этим картинам не имели: нарисовано было хуже некуда. Но самым странным украшением комнаты была сшитая из мешковины и набитая чем-то мягким фигура в человеческий рост. Она покачивалась на веревке, свисающей с крюка на потолке.

Рядом с фигурой валялись меч и ножны. Генри хотел посмотреть их поближе, но Эдвард преградил ему путь.

– Я еще на празднике понял: мой отец решил оставить тебя во дворце, – без выражения проговорил он. – Видимо, к себе в лес ты не рвешься. Ну, еще бы! Зачем тебе твоя простенькая семейка, если можно остаться вот тут? – Он обвел комнату широким жестом. – Но окажи мне услугу: позволь не изображать, что я рад тебя видеть.

– А ты, я смотрю, не рассказал отцу, что спас меня, – огрызнулся Генри. – Иначе он не считал бы тебя таким бесполезным.

– Какой же ты деликатный собеседник, – поморщился Эдвард.

Двигался он как побитый старик. С тех пор как он отдал Генри свои силы, и двух дней не прошло, и Генри изо всех сил постарался не раздражаться.

– Что делаешь? – поинтересовался он, не слишком надеясь на ответ.

– Тренируюсь, – сказал Эдвард. – Вот это чучело – король Освальд. Жаль только, что он не может дать сдачи. Ну ничего, однажды я и до настоящего доберусь.

Генри задумчиво покивал.

– А чья это комната? Тут даже кровати нет, – сказал он, чтобы перевести разговор на что-нибудь другое.

– Гостиная – это просто комната, где семья проводит время вместе. Правда, никто, кроме меня, тут давно уже не бывает, – холодно пояснил Эдвард, и вдруг выражение его лица резко изменилось. – Вероятно, ты можешь мне кое-чем помочь. Ты нашел корону и Сердце, вдруг твоих способностей хватит еще на один предмет? Я буду тебе очень благодарен.

Генри нахмурился, всем своим видом показывая, что если Эдвард задумал сыграть с ним какую-нибудь глупую шутку, он может и разозлиться. Но Эдвард развел руками с такой добродушной улыбкой, что Генри невольно впечатлило его умение врать не только словами, но и лицом.

– Мы с братом постоянно тут играли и рисовали. Бездарные плоды нашего труда ты видишь на стенах, – начал Эдвард. – И я уже тебе рассказывал, что случилось перед тем, как Роберт погиб. Мы собирались идти на пикник, но он где-то спрятал мой игрушечный меч, просто в шутку, а я... Я разозлился, потому и не присмотрел за ним, когда он пошел в ущелья. До этого мы все утро провели в Золотой гостиной, а значит, и меч он спрятал где-то тут. Во дворце полно тайников, мы их все время выискивали, но, видимо, он нашел какую-нибудь секретную нишу в стене, про которую мне не сказал. Я с тех пор все ищу ее, сам не знаю, зачем. – Эдвард медленно выдохнул, и Генри сразу понял, сколько усилий ушло у него на то, чтобы рассказать эту историю таким беззаботным голосом. – Просто хочу, чтобы меч был у меня.

И тут Генри вспомнил свой неприятный, полный животного ужаса сон. В нем он тоже что-то прятал, и даже сейчас, проснувшись, Генри знал: это было что-то по-настоящему страшное. Сон казался таким реальным, будто все это когда-то произошло на самом деле, хотя он не мог вспомнить ничего подобного. По сравнению с этим убийственным страхом история про то, как незнакомый ребенок спрятал игрушку, казалась такой неважной, что Генри вздрогнул, когда Эдвард заговорил снова:

– Ну так что, найдешь тайник, раз уж мы все равно здесь? Если, конечно, для избранного это не слишком мелкая задачка.

Генри очнулся и кивнул. Он хотел сказать Эдварду, что нечего так носиться с прошлым, что оно не изменится, даже если он найдет тот меч, даже если каждый день будет лупить чучело Освальда в комнате, полной воспоминаний, – но не сказал ни слова. Он точно знал, что будущее важнее прошлого, но спор с Эдвардом тут же превратился бы в бессмысленную ссору.

Мест, где можно что-нибудь спрятать, здесь было полно: шкафы вдоль стен, ящики столов, пухлые лепные украшения на стенах, зазоры за мебелью и под диванами. Генри несколько минут бессмысленно бродил по комнате, а потом неподалеку от тряпичного Освальда увидел под шкафом темный контур какого-то предмета.

– Там точно ничего нет, я... – испуганно начал Эдвард, но Генри уже вытянул наружу туго набитую сумку. – Убери обратно. Разве не видно, что на меч вообще не похоже?

Он был прав, но сумка заинтересовала Генри куда больше, чем сто лет назад потерянная игрушка. Ремни не были затянуты, и Генри задумчиво оглядел торчащие наружу края какой-то одежды, свернутое одеяло и горлышко плетеной фляги для воды.

– Ты решил сбежать, – пробормотал Генри. – Просто ждал, когда рассветет. Зачем, кстати?

– Затем, что в шесть часов у Северного хода сменяется охрана, и минут десять его вообще никто не сторожит. Кстати, бывают хоть какие-то дела, в которые ты не лезешь? – сухо спросил Эдвард. – Вежливый человек не стал бы разглядывать чужие вещи. Я любезно и дружелюбно попросил тебя поискать тайник, настолько хорошо замаскированный, что я не смог найти его сам. По-твоему, за десять лет я не посмотрел под шкафами? А теперь, думаю, тебе пора.

Эдвард улыбнулся во весь рот и пинком отправил сумку обратно под шкаф.

Но Генри не собирался отступать.

– Куда ты поедешь? Ты из дворца-то почти не выходил. Даже охотиться не умеешь. Если напорешься на лося или медведя в лесу – что будешь делать?

Фальшивая улыбка тут же исчезла.

– А ты думал, я буду сидеть и смотреть, как все тебя на руках носят?

– Зачем на руках? – не понял Генри. – Я слишком тяжелый.

Эдвард закатил глаза, будто услышал такую глупость, что ему стало плохо.

– Я ее заберу, – сказал Генри, подхватывая сумку. – А ты никуда не поедешь. Здесь безопасно.

– Положи на место, тупица, – внятно проговорил Эдвард. – И только попробуй кому-нибудь рассказать. То, что я не дал тебе сдохнуть, еще не значит, что ты имеешь право лезть ко мне со своими советами.

Генри закинул сумку на плечо. За три недели среди людей он вполне уяснил, что такое благодарность. Эдвард спас его, а значит, нужно не дать ему сделать глупость. Еще минуту Эдвард сверлил его таким злобным взглядом, будто всерьез рассчитывал, что Генри испугается, а потом нехотя сказал:

– Не ты один можешь совершать подвиги. Волшебство проснулось по всему королевству, и оно бывает не только доброе, ясно тебе? До потери Сердца белые рыцари защищали людей от всяких тварей, вот этим я и займусь. Ты меня не сможешь остановить, – важно закончил он, и Генри чуть не рассмеялся.

– Конечно, смогу. Лучше не заставляй, а то...

Договорить Генри не успел – Эдвард поднял с ковра меч и приставил его к горлу Генри. Тот вздрогнул. В последнее время он слишком расслабился – раньше никто не смог бы близко подойти к нему с оружием.

Железо едва касалось кожи, и было ясно как день, что Эдвард просто пугает, но у Генри вдруг потемнело в глазах. Едва соображая, что делает, он дернулся в сторону и ударил Эдварда сначала по локтю, а потом кулаком в живот – с такой силой, что тот рухнул назад и выронил меч.

– Ты сделаешь так, как я говорю, – отрезал Генри.

Он едва себя слышал, будто голову изнутри затянуло туманом. Эдвард, кряхтя и кашляя, встал. Он был безоружен, но Генри почувствовал странное, мучительное, будто чужое желание ударить его по лицу, бить его, пока он не признает, что...

«Что ты сильнее, – нараспев протянул голос огня, и у Генри перехватило дыхание. – Только слабак поднимает оружие, если не готов пустить его в ход. Покажи ему. Пусть увидит, кто ты такой».

Оцепенев от страха, Генри мысленно умолял Эдварда проваливаться как можно скорее, но тот его послание явно не услышал.

– Думаешь, напугал? – звенящим голосом спросил Эдвард, поднимая меч.

В следующую секунду Генри сбил его с ног, перехватил меч и надавил лезвием ему на горло. Генри хотелось кричать, но собственное лицо не слушалось, застыло, будто онемели все мышцы. «Убей», – шептал голос. Слово пульсировало в голове, и Генри казалось, что сам он исчезает, проваливается в теплое беспмятство. В глазах Эдварда был настоящий, чистый страх, и это было так хорошо, так приятно, вот как люди должны смотреть на...

Генри замычал и из последних сил отшатнулся. Его трясло, как от холода. «Вот теперь точно напугал», – отстраненно подумал он, и на этот раз мысль была его собственная. Эдвард, прижимая руку к шее, отполз назад. На горле у него краснела узкая полоса, но крови не было. Похоже, меч, предназначенный для борьбы с тряпичным чучелом, был совершенно тупой – только это их и спасло.

– Прости, – выдавил Генри. Он с трудом вспомнил слово, которое надо говорить в таких случаях. – Прости, я не хотел.

Он думал, что Эдвард, как обычно, скажет в ответ что-нибудь высокомерное, но тот смотрел на него так, будто видел в первый раз. Как на дикого зверя, который, того и гляди, укусит. От страха его лицо разом перестало казаться взрослым.

Меч со звоном выпал из руки Генри, и этот звук словно привел Эдварда в чувство: он нетвердо встал и попятился к двери.

– Иди к себе, – глухо сказал Генри. – Никакого побега не будет.

Не поворачиваясь к Генри спиной и держа на виду руки, Эдвард добрал до двери и скрылся в коридоре. Генри подождал, когда стихнут его шаги, и вытянулся на полу, закрыв лицо ладонями. Тис однажды сказал ему: «Внутри разрушителя, пока он растет, дар огня хранится как в стеклянном сосуде: обладатель дара чувствует только его отголоски. Но если он тронет человека, сосуд разобьется, и его нельзя собрать назад».

Сивард спас его, отдав часть своих сил, но Генри после этого трижды использовал дар и стал тем же, кем был до встречи с Сивардом, – разрушителем, вошедшим в полную силу. И если бы меч Эдварда был заточен...

Генри сипло втянул воздух и отнял руки от лица. Отец учил его, что предаваться отчаянию глупо, надо просто решать проблемы одну за другой. Судя по всему, когда Генри злится или напуган, огню легче захватить над ним власть. А значит, надо быть спокойным, ни во что не ввязываться и не давать огню повода проснуться. И еще держаться подальше от Эдварда – тот, как никто другой, способен довести его до бешенства.

Генри заставил себя встать и подошел к распахнутому окну. Ему хотелось на воздух, но идти ко входу во дворец было слишком долго, поэтому он перелез через подоконник и спустился по стене, цепляясь за лепные украшения.

Он бессмысленно побродил по саду, глубоко вдыхая влажный, пахнущий весной воздух, а потом забрался на башню крепостной стены, где они с Эдвардом сидели накануне, – оттуда весь город было видно, – и стал смотреть, как предрассветная серость над городом медленно наполняется светом, как солнце поднимается из-за далеких гор. Хватит с него приключений и опасностей, пора учиться быть обычным парнем, который знает человеческие правила, понимает людей и умеет добывать еду не только охотой. Вдруг однажды огонь внутри просто возьмет и сдохнет со скуки?

На площади под стеной стали появляться торговцы овощами и хлебом. Новых прилавков еще не построили, так что они раскладывали свои товары прямо на земле, на кусках ткани. Покупателей было мало, но все равно торговцы весело перекрикивались – кажется, они вспоминали вчерашний праздник, и от этих радостных звуков Генри вдруг стало легче. Ему разрешили остаться во дворце, вот что главное. Он сумеет держать себя в руках, и такое, как с Эдвардом, больше не повторится. Теперь это его город, его дом. Теперь все будет хорошо.

И тут Генри увидел прохожего, который двигался быстрее других.

Глава 2

Белый рыцарь

Какой-то парнишка бежал, спотыкаясь, через рыночную площадь к открытым воротам дворца, и скоро до Генри донеслись его сбивчивые крики и ворчание стражников. Голос у парня был плачущий, детский, и от него у Генри напряглись все мышцы, как от предчувствия беды. Несколько минут он прислушивался к разговору, потом обреченно спустился в сад и зашагал к воротам.

При виде Генри и стражники, и парень замолчали.

– В твоей деревне произошло что-то плохое, ты хочешь рассказать об этом королю, но тебя не пропускают, так? – уточнил Генри, и парень затравленно кивнул. – Идем, отведу тебя.

Стражники открыли было рты, чтобы возразить, но тут же закрыли их и посторонились. Кажется, за спасение дворца они готовы были простить ему что угодно, – и Генри на секунду стало приятно, что они его не боятся.

– Спасибо, господин, – пробормотал парень, когда они вошли в сад.

Что в подобных случаях говорить, Генри не знал, так что по дворцовой лестнице они поднялись молча. Стража у дверей пропустила их без вопросов, и восхищение на лице парня засияло с удвоенной силой.

У дворца была особенность, которая сейчас очень пригодилась: достаточно подумать, куда или к кому хочешь попасть, и перепутанные коридоры сами выводят тебя в нужное место. К королю, например. Смутное ощущение верной дороги, которое охватывало Генри при выборе каждого поворота, довело его до незнакомой двери, из-за которой раздавались приглушенные голоса. Перед дверью стояла очередная пара стражников в золотых куртках. При виде Генри они расплылись в улыбках, и он вспомнил, что вчера они с ним даже знакомились и жали ему руку. Впрочем, в ворохе имен, которые ему называли за последние дни, эти два потерялись напрочь.

– Э... привет, – бодро сказал Генри, надеясь, что у людей не принято проверять, насколько хорошо ты запомнил, как их зовут. – Мы к королю.

При виде парнишки дружелюбие стражников сразу растаяло.

– Это кто? – строго спросил один из них, оглядывая драную, задубевшую от пота и грязи одежду гостя, на которую Генри и внимания не обратил, – с парнем что-то случилось, он долго бежал, как еще он должен выглядеть?

– Я Петер, – тихо сказал тот, держась у Генри за спиной.

– А тут заседание королевского совета, – важно сказал второй стражник.

Но отступать Генри никогда не умел.

– Мы быстро, – бросил он и потащил Петера вперед.

Стражники тут же сомкнулись плечами, и Генри вздохнул. Он знал, что злиться нельзя, – но кто сказал, что нельзя притвориться? Отец ему говорил: «Покажи зверю, что не боишься, и он не тронет». Правда, отец оказался главным злодеем королевства, но его советы не стали от этого бесполезными. Генри изобразил угрожающую мину, и стражники тут же попятились. Видимо, вспомнили, какой у Генри дар.

Ему вдруг стало противно, что он снова решает проблемы силой, – но тут Генри почувствовал, как дрожит Петер, и его сразу отпустило. Парню нужна помощь, и он ее получит. Генри слишком хорошо знал, каково это, когда ты устал, напуган и совсем один.

Он толкнул двери – и остановился. Королевский совет он представлял себе как сонную компанию из пары-тройки старичков, которые дают королю какие-то советы. Но в зале, куда он попал, собралось человек тридцать: придворные (почему-то одни мужчины, а также Эмма, пышная и злобная мать Агаты), посланники (человек десять, считая Олдуса, который черкал что-то на листе бумаги), Уилфред (в наряде таких цветов, что радужный дрозд-разбудильник позавидовал бы) и, ясное дело, сам король. За спиной у Генри Петер издал какой-то потрясенный звук – видимо, от обилия пышно одетых людей он

растерял остатки решимости. Дней десять назад Генри чувствовал себя точно так же, но после всех приключений обитатели дворца уже не казалось ему особенно впечатляющими.

– Доброе утро, – начал Генри, гордясь тем, что наконец запомнил, с чего положено начинать разговор. – Вот у этого парня большая проблема. Он вам сейчас все расскажет.

Генри нашел взглядом два свободных места, рухнул на одно и усадил Петера на второе. Тот окончательно побледнел, и Генри подумал: он же, скорее всего, давным-давно не ел. Напротив короля стояла полная миска орехов, а он, наверное, был не голоден, раз еда осталась нетронутой. Генри подошел, взял миску и протянул Петеру, который уставился на нее с таким ужасом, что Генри забрал ее себе и, не удержавшись, бросил горсть орехов в рот.

Король вдруг засмеялся, – смех был мягкий, необидный, и Генри вопросительно поднял брови.

– Друг мой, – с чувством сказал король, – я уже рассказал придворным, что вы останетесь с нами сколько захотите, и, поверьте, все очень рады, но над манерами вам придется немного поработать.

Генри перестал жевать. Кажется, он опять что-то не так сделал, но разбираться с этим было некогда. Он с усилием проглотил орехи и толкнул Петера в бок.

– Что ты там говорил охране про кур?

Петер бессмысленно смотрел на него, люди за столом нетерпеливо переглядывались, и Генри, жалея, что не умеет уговаривать, тихо сказал:

– Рассказывай, или они тебя выгонят.

Подействовало. Петер встал и, глядя себе под ноги, еле слышно заговорил:

– В нашей деревне кто-то за одну ночь всех кур задрал. От них только кости да перья остались, а звериные следы вели в Злобные скалы. Мы все взяли оружие и по следу пошли, думали, волк. И тут голос с нами заговорил. Сказал, чтобы мы

привели белого рыцаря, как в старые времена, и обещание дал, что перебьет весь скот в окрестностях, если рыцарь не явится. А вот если рыцарь придет и одолеет его в честном споре, зверь отдаст храбрецу свое единственное сокровище. Оно ему досталось еще до того, как Сердце потеряли.

Генри огляделся. Вся эта история казалась ему какой-то глупой шуткой, но никто не смеялся – все слушали развесив уши.

– Сокровище он цветком памяти назвал, мы так и не поняли, что это. А еще объяснил, как до королевского дворца добраться. Сказал, что в наших Злобных скалах находится одно из пяти мест в королевстве, откуда можно выйти куда угодно. Сказал, это называется...

– Кротовый ход, – пробормотал король, и Петер удивленно поднял на него глаза.

– Да, а вы откуда знаете?

– Читал, – нетерпеливо ответил король. – Вот теперь я понял, где ваша деревня. На картах, правда, эти скалы называются Разноцветными, а не Злобными, но кротовый ход там действительно есть. Продолжайте, молодой человек.

Я вызвался весть донести, и зверь рассказал мне, как найти кротовый ход. Это просто разлом в скале – нужно зайти в него и идти вперед, назвав место, куда хочешь попасть. Да только я со страху сказал не «дворец», а «столица», и вышел на какой-то поляне, вокруг деревья, а впереди дома виднеются. Уже вечерело, и никто мне двери не открыл, не подсказал, куда я попал. Я от усталости на чьем-то пороге заснул, а на рассвете хозяева вышли и прогнали. Пока я дворец нашел, солнце уже всю светило.

– А как выглядел этот говорящий зверь? – с любопытством спросил король.

Петер, тяжело дыша, затряс головой.

– Мы не видели. Он прятался.

– Как-то это подозрительно, – не выдержал Генри. – Какая-то тварь послала тебя сюда, чтобы ты привел того, кто сможет ее победить.

Все глянули на него так, будто не понимали, в чем тут неувязка, и Генри объяснил:

– Если бы я хотел убивать кур, я бы просто их убивал и не стал бы звать того, кто убьет меня. Это глупо.

– Он что, совсем дикарь? Сказок не читал? – громким шепотом спросил один старый придворный у другого, и тот в ответ важно кивнул.

– До потери Сердца не все волшебство было добрым, Генри, – укоризненно глядя на них, пояснил король. – Иногда наша земля порождает существ или силы, которые уничтожали посевы, до полусмерти пугали тех, кто забредал в лес, играли над людьми всякие злые шутки и так далее. Но даже самое глупое из подобных существ знало правило: если придет белый рыцарь и бросит ему вызов, оно обязано его принять. Некоторые существа даже сами вызывали рыцарей на бой, спор, игру в загадки или что-то подобное. А дальше все просто: рыцарь побеждает – существо слабеет, проигрывает – становится сильнее.

Простите, что перебую, ваше величество, – сказал Уилфред, – но, как я понял из рассказов господина Прайда, Генри уже слышал про игру в шахматы – ее еще называли «игрой мудрецов». Предки выдумали ее, основываясь на законах волшебных приключений. Король в этой игре слаб, сам почти ничего не может, – еще раз простите, ваше величество, – и с врагами за него сражаются другие фигуры.

– Ферзь, – тоном знатока изрек Генри.

Наличие ферзя, который бывает черным или белым, было единственным, что он знал об этой игре, но Уилфред улыбнулся так гордо, будто Генри на его глазах с сотни шагов застрелил медведя.

– Именно. Ферзь – самая сильная фигура, его работа – защищать короля. Самая слабая – пешка, их много, и они олицетворяют собой простых мастеров. А следующий по силе от пешки – рыцарь, защитник людей. Его изображают в виде человека на коне.

Генри глубокомысленно кивнул, делая вид, что теперь-то ему все ясно. Петер, усевшийся обратно на стул, кажется, не слушал, – просто жался к Генри, едва не

спихивая его с места.

– Иногда молодые люди, мечтавшие о приключениях, становились бродячими всадниками, так называемыми белыми рыцарями, – продолжал Уилфред.

– В основном это были бездельники, которые не хотели развивать свой дар, а предпочитали мотаться по королевству на коне, побеждая то ожившие арбузы, кусавшие за пятки всех, кто приходил снимать урожай, то гигантских жаб, которые своими песнями не давали спать целым деревням, – подхватил Олдус Прайд. – Подвиги такого рыцаря продолжались до тех пор, пока родители не догоняли его и не давали, извините за грубое слово, пинка.

– За что? – не понял Генри.

– За то, что без спросу увел из дома коня, – веско ответил Олдус. – Впрочем, многие и сами возвращались недели через две, когда надоедало спать под открытым небом и жить впроголодь.

– Но некоторые стали героями, и о них сложили легенды, – добавил король. – Их все знали и везде ждали, потому что они никогда не нарушали первое правило кодекса рыцарей: помогать всем, кому нужна помощь.

– И второе правило: с уважением относиться к каждому, кого встретишь, будь то человек или существо, – вставил Уилфред.

– И третье правило: решать проблемы силой, только если не получилось решить их добром, – прошамкал какой-то старый придворный.

– Когда белый рыцарь входил в деревню, его просили рассудить давние споры и помочь с разными делами, ведь кто много путешествует, обретает мудрость, – быстро сказал Уилфред, опасаясь, что его опять перебьют. – А уж если где-то объявлялось злое волшебство, по окрестным деревням бросали клич, узнавали, где хоть одного из рыцарей видели в последний раз, и обращались к нему за помощью. Рыцарь приезжал, бросал существу вызов и...

– Убивал его? – спросил Генри.

– Только в крайнем случае. Обычно договаривался, пользуясь смекалкой, знаниями и хитростью.

– А еще хорошими манерами и умением вести беседу, – прибавил Олдус.

– Но это, конечно, не касается тех случаев, когда речь шла о лютых тварях.

Петер рядом с Генри вздрогнул так, что зубы клацнули.

– Раз в пару сотен лет рождались твари, которые хотели одного: убивать, – пояснил Олдус. – С ними нельзя вести беседы, нельзя слушать их ложь, они хотят только крови. Каждый раз твари были разные: ящер, алый волк, злобный паураг и прочие. И несладко приходилось белому рыцарю, который оказывался поблизости. Часто лютая тварь убивала его в битве – а как вы помните, Генри, от этого она становилась куда сильнее. Иногда тварь успевала уничтожить половину рыцарей королевства и кучу мирных жителей, прежде чем невероятными усилиями и с огромными потерями удавалось ее остановить. В более поздние века рыцарь, услышав о такой твари, собирал других рыцарей по всему королевству, и вызов они бросали все вместе – так было больше шансов выжить.

– Хорошо, что это пробудившееся существо вроде довольно безобидное, – бодро сказал король. – Никто ведь не погиб, кроме кур, верно?

Петер лихорадочно закивал. У Генри появилось ощущение, что все, кроме бедняги Петера, скорее воодушевлены, чем опечалены. Король, кажется, тоже это понял, и прибавил:

– Не подумайте, что мы не сочувствуем напасти, постигшей деревню молодого человека. Но ведь триста лет все волшебное, что есть в королевстве, было погружено в сон, а теперь проснулось. И если проснулись злые силы, значит, проснулись и добрые, понимаете? И теперь...

– А можно ближе к делу? – перебил Генри. – Где искать этого белого рыцаря?

Все посмотрели на Генри как на болвана.

– Но у нас их пока нет, – развел руками король. – Новый мир еще совсем юн: Сердце вернули меньше двух недель назад, и двух дней не прошло с тех пор, как вы нашли корону. Прямо перед вашим приходом мы обсуждали, как оповестить все королевство о том, что дары вернулись. Белые рыцари – герои сказок. Последние триста лет никто не жалуется путешествуя. Все, кроме посланников, сидят по домам. А бросить вызов злему поедателю кур сможет только человек, уже опытный в подвигах.

До Генри медленно начало доходить, к чему они клонят.

– Я никуда не поеду! – выпалил он.

– Вы наследник Сиварда, – мягко сказал король, будто даже не видел, о чем тут спорить. – Вы трижды сделали невозможное: нашли Сердце и корону, спасли дворец от духов вражды. Думаю, вам получаса хватит на то, чтобы одолеть зверя, напугавшего всю деревню, и...

– А посланники на что? – опять перебил Генри. – Они ездят повсюду, так почему их не отправить?

Все десять посланников в зеленых мундирах начали сползать по стульям вниз, будто всерьез надеялись, что их не заметят. Головы их разом повернулись в сторону Олдуса, который, пусть и пренебрегал своими обязанностями с тех пор, как обрел дар сочинительства, все еще оставался их капитаном.

– Ваше величество, нас учат находить ценности, а не побеждать волшебных существ, – смиренно проговорил Олдус. – И я вынужден признать: от всего нашего отряда в истории с Сердцем было больше шума, чем толка. К тому же я еще не закончил свое «Сочинение о поисках короны по рассказам очевидцев». Поезжайте, Генри. Когда вернетесь и расскажете о своих приключениях, у моего труда появится третья часть. – Он ласково похлопал по стопке бумаги, лежавшей перед ним. – Кстати, многие существа в сказках носились с каким-нибудь волшебным предметом как с писаной торбой и называли его своим сокровищем. Нам повезло: цветок памяти – это ценнейшая, легендарная вещь, хотя не думаю, что он пригодится такому юному созданию, как вы.

– И зачем он нужен? – пробормотал Генри.

– Он помогает вспомнить забытое. Его использовали для лечения людей, у которых ослабла память.

Генри замер. Он снова вспомнил свой сон про руки, покрытые землей. Что, если это было на самом деле, просто он все забыл? Он помнил себя уже смышленным, умеющим бегать и говорить, – но, насмотревшись в последние недели на человеческих детей, он вдруг понял, что они не всегда такие. Они бывают маленькими и смешными, часто плачут и не стоят на ногах, матери носят их, прижимая к себе, и каждую секунду за ними присматривают. Он порылся в памяти, но ничего похожего не нашел. Только отец, лес и охота.

А что, если с помощью цветка он сможет вспомнить свою мать? Генри сжал кулаки так, что сквозь перчатки почувствовал, как ногти впились в ладони. Никакие воспоминания не стоят такого риска. Король ведь не знает, насколько был прав, когда думал, что Генри опасен: зло внутри него снова проснулось, а дар огня – это не просто необходимость носить перчатки, это гораздо, гораздо хуже. Вот что надо им сказать: «Я не могу идти неизвестно куда и драться неизвестно с кем, потому что, если я разозлюсь или что-то меня напугает, я опомниться не успею, как эта дрянь в моей голове заставит меня сделать что-нибудь ужасное». И даже не сказав вслух ни слова, Генри понял, что увидит на лицах всех в зале. Страх. Отвращение. Все, что он видел сотни раз.

Король внезапно поднялся со своего места, подошел к нему и взял за плечи.

– Простите, что не дали вам отдохнуть, – тихо сказал он, и Генри почувствовал странное желание привалиться головой к его груди, чтобы король обнял его, как люди обнимают детей. – Но вы пока наш единственный защитник. Я уверен, что поездка будет несложной.

Он улыбнулся, и от этой извиняющейся, доброй улыбки у Генри заняло что-то внутри. Король поймет, если во всем признаться, и не заставит его ехать. Генри уже открыл рот, чтобы рассказать про дар, про голос, про весь этот кромешный ужас, – но вдруг услышал тихий, резкий вздох. И раздался он совсем не за столом.

Генри бесшумно выпрямился и отодвинул короля в сторону. Что, если Освальд и Джоанна не смирились с поражением? Что, если явились сами или прислали кого-то подслушивать? Генри глубоко задышал, успокаиваясь, не позволяя

ярости захватить его.

– Дикарь – он дикарь и есть, – громко прошептал все тот же старый придворный на ухо своему глуховатому соседу.

Дальше Генри слушать не стал – он скользнул к окну, вслепую ударил кулаком в штору и дернул на себя того, кто скрывался за ней. Вместе со шторой.

Над куском ткани, рухнувшим на пол, взлетело такое облако пыли, что Генри чихнул. Он всем весом прижимал к полу врага, но тот притих, будто и не собирался вылезать, и Генри сам стащил с него ткань.

Эдвард сипло вдохнул и закашлялся, глядя на Генри так, словно не мог решить, отпрянуть от страха или дать ему кулаком в лицо. Больше всего Генри поразило то, что Эдвард до этого сидел настолько тихо, что даже он со своим слухом охотника не заметил его присутствия.

Король, казалось, ничуть не удивился и только покачал головой. Эдвард, не глядя на него, поднялся и пригладил волосы, будто что-то еще могло спасти его прическу.

– Прошу прощения, – церемонно сказал он и направился к двери, но на полпути развернулся и пошел обратно.

– Даже не думай, – уронил король, но Эдвард уже дошел до него и брякнулся на одно колено, как делал каждый раз, когда хотел заговорить с отцом, хотя зачем – Генри до сих пор не мог понять.

– Отец, прошу, разреши мне исполнить это поручение! Я знаю кодекс белых рыцарей наизусть и подхожу по всем пунктам, в отличие от... от нашего гостя. Я принесу тебе голову чудовища, и ты увидишь...

– Голову-то зачем? Ее же тащить тяжело, и по дороге испортится, – вставил Генри, и Эдвард подавился воздухом – или, возможно, пылью, которая еще не осела и по-прежнему сияла в лучах света.

– Иди в свою комнату, – сказал король, и Генри дорого бы дал за то, чтобы этот приказ относился к нему.

Эдвард, впрочем, своего счастья не оценил: он обиженно поклонился и ушел, тихо прикрыв за собой дверь. Взгляды, которыми проводили его все, кроме короля, ясно говорили о том, что большой любовью у придворных принц не пользуется.

– Я не могу его отправить, – проговорил король, глядя на закрывшуюся дверь. – Он наследник трона и единственное, что осталось от моей семьи. Прошу вас, Генри, отправляйтесь в путь, и тогда он хотя бы выбросит эту идею из головы.

Сейчас король выглядел старше, более усталым и строгим, и Генри с каким-то странным, тянущим чувством понял: видимо, люди, в отличие от зверей, любят своих детей, даже когда те уже выросли. А король тем временем вернулся на свое место, и момент, чтобы рассказать про дар, был упущен. Генри бессмысленно замер у окна, рядом с грудой пыльной ткани, и тут раздался голос Эммы:

– Ваше величество, я ведь теперь глава придворных. Разрешите мне кое-что сказать нашему герою. Уверена, я смогу уговорить его исполнить свой долг.

Она встала и направилась к Генри, шурша складками платья, на которое ткани, кажется, пошло не меньше, чем на штору. Остановившись рядом с Генри, она еле слышно, с улыбкой заговорила:

– Думаешь, ты кому-то здесь нравишься? Ты нужен, только пока делаешь то, чего ждут от наследника Сиварда. Без этого ты просто невоспитанный грязный простолоудин с мерзким даром, от которого нормальным людям надо держаться подальше. Никто про это не забыл, и король тем более. Я знала его еще до болезни, а ты нет. Поверь, он прекрасно умеет добиваться своего красивыми словами. Он разрешил тебе остаться, потому что ты полезен. Но если перестанешь делать то, что велят, тебя вышвырнут. Ты ведь не хочешь всех разочаровать?

Она шептала ему на ухо, стоя так близко, что Генри чувствовал сладкий цветочный запах ее одежды, ее дыхание на своей щеке, но не сдвинулся с места. Отец ведь говорил ему, что люди те еще лицемеры. Эмма права, а он, как

идиот, поверил, будто ему разрешат остаться здесь навсегда просто за старые заслуги. На секунду Генри мучительно захотелось сбежать отсюда как можно дальше и не возвращаться – а потом он вспомнил, что идти ему некуда, и будто со стороны услышал свой голос:

– Я все сделаю. Но цветок памяти заберу себе.

По залу прокатился вздох облегчения.

– Генри, я знал, что вы не подведете! Эмма, вы мастер убеждения! – воскликнул король.

– Благодарю, ваше величество, – церемонно поклонилась она и села на свое место.

Следующую четверть часа Генри запомнил плохо: ему показывали на карте, висящей на стене, куда надо ехать, наперебой давали какие-то наставления. Он кивал, делая вид, что слушает, пока в голову ему не пришла мысль, от которой стало немного лучше: хорошо, что есть те, на кого он всегда может положиться.

– Я могу взять с собой помощников? – спросил Генри.

– Конечно! Выбирайте, кого хотите, – разрешил король, и Генри повернулся к Олдусу Прайду.

– Вы храбрый. И из лука стрелять умеете, – сказал он, но Олдус виновато развел руками:

– Жена меня убьет, если я скажу, что опять уезжаю. Вы простите меня, я от всей души желаю вам удачи, но поехать не могу.

Генри кивнул и вышел из зала. Ничего, он и без Олдуса соберет отличную команду.

Агату он нашел в столовой – она чинила очередные светильники.

– Я еду в поход, хочешь со мной? – спросил он, решив не растягивать разговор вежливой бессмыслицей.

Она торопливо вытащила из сумки, лежавшей на полу, уголь и лист бумаги и нацарапала: «Генри, прости, хочу починить все светильники во дворце, не могу отвлекаться. Отец бы мной гордился».

Последнее слово она вывела такими огромными буквами, что оно заняло весь остаток листа.

– Ладно, тогда увидимся позже, – кивнул Генри, изо всех сил делая вид, что ему все равно.

Но Агата уже не слушала: кажется, мастера вместе с даром обрели способность немедленно забывать обо всем, что не относится к их делу.

Сван налетел на Генри сам: он мчался ему навстречу, вцепившись обеими руками в лямки заплечного мешка.

– Генри, ты тут! У меня отличная идея! – завопил он так, словно Генри был за три комнаты от него. – Я решил вернуться домой, поехали вместе? Будем на попутных телегах добираться! Тут, конечно, богато, но дома-то всегда лучше. Я вот что подумал: Хью наверняка и без нашей помощи от Освальда сбежал, он ведь умный! Думаю, он уже домой пошел, а значит, и нам туда. Заберем моего папашу с постоянного двора, где он отсиживается, и твоего папашу тоже найдем, он же где-то там остался, верно? Ну да, нас всех из Хейверхилла выгнали, а теперь обратно примут, когда мы расскажем, какой ты знаменитый стал и как я тебе помог Сердце вернуть. Никто больше не будет на тебя охотиться, вы с отцом и в деревню можете переселиться! А Хью сам вернется, я точно знаю. Он же мой брат, а братья всегда возвращаются, даже если потерялись.

Генри покачал головой. Ему так захотелось в свою хижину в горах, что дыхание перехватило, – но он знал, что это место перестало быть его домом, когда он узнал настоящее имя своего отца.

– Слушай, мне сейчас нужно в поход. Поедешь со мной? Будет весело, – соврал Генри.

– Я тут понял, что приключения – это не мое, – важно сказал Сван, глядя на него своими темными, как у оленя, глазами. – Но ты и без меня как-нибудь справишься, да? Ты же герой! А как закончишь – приезжай к нам, я буду ждать. Пока, Генри. – Сван обнял его так, что кости захрустели, и помчался назад.

Генри долго стоял, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а потом отправился на кухню. Он знал: тот, кто его не подведет, наверняка отыщется именно там.

Джетт, который за один день успел подружиться со всеми слугами во дворце, увязывал провизию в здоровенный мешок, одновременно смеясь до упаду над чьей-то шуткой. Вокруг было шумно, люди с посудой, тряпками и дровами сновали туда-сюда, и Генри остановился в дверях, чтобы не сбить никого с ног.

– А все-таки неплохо, что ты нашел Сердце! Люди как-то сразу подобрели, – сказал Джетт, кое-как впихнув в переполненный мешок еще несколько яблок, и с улыбкой развернулся к Генри: – Вот, уже собрался. Я на празднике встретил парня, который сегодня едет в сторону моей деревни. Он согласился меня подбросить. А ты чего такой мрачный? Ну, то есть, я хотел сказать: еще более мрачный, чем обычно.

– Ты ведь много путешествовал по королевству, так? – начал Генри.

– Все обычно называли это «бродяжничал», но спасибо на добром слове.

– Я должен кое-куда поехать. И мне пригодится помощь.

Искреннее сожаление, которое вспыхнуло на лице Джетта, сказало Генри все до того, как тот успел открыть рот.

– Ты извини, брат, но вот тут – мое сокровище, и я должен наконец-то его довести. – Он хлопнул себя по тяжело звякнувшему карману, и Генри вспомнил: ну конечно, те самые деньги, за которые Джетт продал его Освальду. – Мне нужно домой. Прости меня, ладно? Я ведь не слепой, вижу, что тебе правда

нужна помощь. Но семья есть семья, понимаешь?

– Ага. Ладно, ты... Ну, в общем, собирайся.

И Генри выскользнул из кухни, пока Джетт не успел ничего сказать. Он ненавидел прощания.

Олдус предложил Генри зайти за вещами, но тот только рукой махнул. Единственным его имуществом была книга сказок Тиса, а ее брать с собой было уж точно незачем.

– Хорошо, что мы в королевском дворце, где ни в чем нет недостатка, – сказал Олдус, хлопнув Генри по плечу. – Уилфред уже собрал для вас сумки и велел навьючить их на коня.

– На коня? – переспросил Генри.

Почему-то он думал, что ему дадут большую удобную телегу, вроде тех, какие он видел у людей.

– Конечно! Вы что, все прослушали? Это довольно далеко, а зверь сказал, что рыцарь должен явиться не позже, чем на закате третьего дня, иначе он начнет убивать скот. Кротовые ходы в сказках действуют только в одну сторону, и вряд ли они стали работать иначе. Вы же умеете ездить верхом? – спохватился Олдус, и по его голосу Генри сразу понял: героям положено уметь.

– Вроде да, – уклончиво ответил Генри, решив не уточнять, что делал это один раз.

– Отлично! Уилфред сказал, в королевской конюшне есть очень быстрый конь, которого никто из придворных никогда не берет для тренировок, он совершенно свободен.

Потом Генри думал, что эти слова должны были его насторожить, но в тот момент он был слишком занят грустными мыслями о том, что друзья с ним не поедут, и просто кивнул.

– Зовут Снежок, – жизнерадостно прибавил Олдус. – Из-за цвета. Будете как истинный белый рыцарь на белом коне! Ну, пойдете, все уже собрались на церемонию торжественного прощания.

Прозвучало это как-то зловеще, но Генри без возражений поплелся за Олдусом через сад.

Конюшня оказалась длинным, потемневшим от времени сараем в глубине королевского сада. «Что ж я творю», – безнадежно думал Генри, стараясь идти как можно медленнее. Если при любой угрозе он начнет на кого-нибудь бросаться... Оставалось только надеяться, что поход будет совсем не опасным, зверь – не страшным, а одолеть его получится, не потеряв спокойствия и невозмутимости. Если нет – дела будут очень, очень плохи.

Генри оглядел всех, кто выстроился перед конюшней: те же десять мужчин-придворных, Эмма, Уилфред и король. Настроение у них явно улучшилось: то ли они были рады, что Генри наконец уедет, то ли наслаждались возможностью поучаствовать хоть в какой-нибудь церемонии. Правда, торжественность момента несколько портило бешеное конское ржание, раздававшееся из конюшни. Генри нахмурился. Такие звуки способны издавать только животное, готовое затоптать любого, кто подойдет близко.

– А вот и наш герой, – сказал король так громко, будто надеялся заглушить коня. – Никакой особой церемонии посвящения в белые рыцари, к сожалению, нет – рыцарем мог стать любой, кто хотел, – но мне пришла в голову неплохая мысль. Когда-то в любой семье меч дарили мальчику на совершеннолетие. А я решил, что для вашего похода сам подарю вам меч из дворцовых запасов!

Из-за его спины вышел дворцовый стражник, неся на вытянутых руках меч в ножнах, приложенных к кожаному поясу. Он передал его королю, а король все так же бережно протянул меч Генри.

Тот замешкался. Таскать за собой такое неудобное оружие, пожалуй, еще хуже, чем ехать верхом.

– А можно мне лучше нож, лук и колчан стрел? – спросил он.

Придворные подавились воздухом, Уилфред прижал ладонь к лицу, а Олдус пихнул Генри локтем в бок.

– Это огромная честь, – прошептал он. – Встаньте на одно колено, возьмите меч, коснитесь губами ножен, а потом руки короля.

– Не буду, – упрямо выдохнул Генри.

Он и так согласился ехать, не будет он таскать за собой огромный кусок железа, да еще ради этого унижаться. Генри уже готов был сказать это вслух, но тут Олдус просто поклонился королю, взял пояс с мечом и надел его на Генри. Тот от тяжести едва не сел, но не успел даже возразить – Олдус хлопнул его по плечу и с широкой улыбкой сказал:

– Ваш конь уже оседлан и навьючен. Глядите, какой красавец!

Двое слуг в темной одежде вывели из конюшни здоровенного брыкающегося коня. Они держали его за поводья, но он так мотал головой, что едва не отрывал бедолаг от земли. Конь был совершенно белый, и его темные, дикие, налитые кровью глаза смотрелись особенно впечатляюще. Единственный конь, на котором Генри довелось ездить, был смирной крестьянской лошадкой, которая дала сесть на себя верхом без малейших возражений, но этот...

– Зато мы выделили вам самое удобное седло, – успокаивающе сказал Уилфред, держась от коня как можно дальше. – Характер у Снежка непростой, но какая скорость! На другом коне вы за три дня не доберетесь.

– А ты на чем поедешь? – спросил Генри у Петера, чтобы оттянуть момент знакомства со Снежком.

– Я не поеду, господин, – еле слышно сказал тот. – Вам придется скакать день и ночь, чтобы успеть: дороги вокруг нашей деревни совсем плохие, да и в других местах наверняка тоже. Я своим ходом буду добираться.

Он трясся, как от лихорадки, и Генри покачал головой.

– Не надо тебе никуда ехать. Останешься здесь, пока я не вернусь и не скажу, что все в порядке. О тебе позаботятся и хорошо накормят.

На лице Эммы тут же отразилось все, что она думает о еще одном грязном простолоудине, который будет мозолить ей глаза, и Генри мрачно улыбнулся, когда король сказал:

– Ни о чем не волнуйтесь, Генри. Мы примем юношу как гостя.

Петер вдруг заплакал, тихо и безнадежно, – а потом резко перестал, вытер глаза и, глядя на Генри, сдавленно спросил:

– Господин, вы не знаете, что такое «скрипач»? Это как «предатель»?

Все недоуменно переглянулись – кажется, такого слова никто не знал, – а Генри вдруг кое-что вспомнил.

– В Башне мастеров я видел на каком-то предмете слово «скрипка». Когда Петер отдохнет, отведите его туда, пусть глянет – вдруг поймет, как с ней управляться?

Тут у Генри над ухом раздалось такое дикое ржание, что он чуть не втянул голову в плечи. Снежок, выпучив свои безумные глаза, смотрел на него сверху вниз, по-прежнему пытаюсь вырваться из рук своих поводырей.

– А у вас есть какая-нибудь лестница? – пробормотал Генри, отступая назад.

– Лестница? – растерялся Уилфред.

– Ну да. Когда я в прошлый раз садился на такого зверя, я забрался на большой валун и оттуда влез ему на спину, но по лестнице, наверное, еще удобнее.

Все переглянулись.

– Надо просто вставить ногу в стремя, ухватиться за седло, подтянуться и перекинуть вторую ногу, – сказал Олдус; кажется, он понял, что всадник из Генри так себе.

– Может, покажете? – спросил Генри, но Олдус, покосившись на Снежка, покачал головой.

Генри вздохнул. Отец часто ему говорил: если надо сделать что-то неприятное, просто делай и не думай. Он постарался не смотреть на дергающуюся из стороны в сторону морду с оскаленными зубами, ухватился за седло и попытался взобраться, но ручка меча неудобно вдавилась в живот, зверь всем телом рванул влево, и Генри, потеряв равновесие, упал назад. Вторая попытка закончилась тем, что Генри повис на седле, как мешок, недоумевая, зачем люди добровольно подвергают себя таким мучениям. С третьей попытки он кое-как сел на коня и вдел ноги в стремяна, но тут слуги посчитали, что дело сделано, и выпустили поводья. Снежок встал на дыбы, меч потянул Генри набок, он потерял равновесие и скатился на землю, больно ударившись о ножны. Старые придворные попытались замаскировать смех под приступ кашля.

– Может, мне себя веревкой к нему привязать? – спросил Генри, но все, видимо, решили, что он шутит, и веревку не принесли.

– Ничего, вы быстро научитесь, – уверенно сказал король. – Все герои ездили на конях. Давайте попробуем еще раз. Олдус, подсадите его.

К тому времени как Генри наконец взгромоздили в седло, устал, кажется, даже конь.

– Что надо сделать, чтобы он поехал прямо и не брыкался? – спросил Генри, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Ткните его пятками в бока и держитесь, – посоветовал король. – Но только...

К сожалению, Генри сначала последовал совету, а потом уже дослушал.

– ...не слишком сильно, – закончил король, но было поздно.

В удар пятками Генри вложил всю силу, какая у него еще осталась после попыток залезть на коня. Он думал, что этим покажет злобному Снежку, кто здесь главный, и тот присмирет, но куда там – конь сначала встал на дыбы, потом выгнул шею, норовя укусить седока, и наконец рванул вперед с такой

скоростью, что Генри захлебнулся воздухом.

Кто-то крикнул ему вслед «Удачи!», но кто, Генри разобрать не смог. В этот момент он по достоинству оценил поводья: хоть было за что держаться, когда Снежок вылетел на песчаную дорожку среди деревьев, пронесся через круглую площадку, утопанную десятками других копыт, и полетел вдоль крепостной стены к незнакомым Генри воротам.

Стражники, дежурившие внутри хода сквозь стену, выглянули в сад, чтобы посмотреть, кто приближается, – и Генри с ужасом понял две вещи. Первое: он не успел спросить, как остановить животное. Второе: прямо впереди – закрытые деревянные ворота, и они неумолимо приближаются.

– Открывайте! – рявкнул Генри.

Получилось не очень-то громко: встречный поток воздуха забивал ему глотку так, что он едва мог открыть рот. К счастью, вид Снежка, готового снести все на своем пути, впечатлял настолько, что охранники тут же потянули тяжелые деревянные створки на себя, одновременно стараясь закрыться ими от коня. Снежок при виде свободного пути всхрапнул и удвоил скорость.

«Мне конец», – успел подумать Генри – и вдруг произошло нечто прекрасное.

Кажется, правило «не выходить за крепостную стену», которым триста лет пользовались все жители дворца, касалось и коней. Снежок вылетел на старинную, мощенную булыжником дорогу и остановился как вкопанный. Видимо, его напугал громкий звенящий стук, который издала под его копытами мостовая: в дворцовом саду повсюду была мягкая земля. Генри перевел дух и с трудом поборол желание слезть с коня.

Он кое-как вспомнил, что ехать ему велели на восток. Ну, а дальше разберется: Петер сказал, его деревня называется Подгорье, а рядом с ней – Разноцветные скалы, которые все местные называют Злобными. Наверняка все в королевстве знают, где это, и покажут ему дорогу. А пока – на восток. Генри осторожно тронул пяткой бок Снежка, и тот с неохотой пошел вперед.

Глава 3

На восток

Дорога через хвойный лес вела на север. Если бы Генри шел пешком, он бы сразу свернул с нее вправо, на восток, но из-за Снежка приходилось терпеливо ждать поворота: в чащу на таком звере не сунешься, ветки все лицо располосуют.

Снежок был по-прежнему озадачен звоном под своими копытами и тащился вперед неохотно, с опаской, так что Генри наконец задышал полной грудью, не боясь рухнуть вниз. День был солнечный и холодный, повсюду пахло мокрой землей. Здесь, в отличие от пышного королевского сада с диковинными растениями, весна была скудная и знакомая: ряды сосен по обеим сторонам дороги, подстилка из рыжей хвои, кое-где рябина с иссохшими прошлогодними ягодами да ежевичные заросли с голыми шипастыми ветками. И Генри вдруг понял, что одиночество, только что, во дворце, казавшееся таким жутким, здесь стало привычным и добрым спутником. Снова отвечать за себя одного, не путаться в правилах, не задыхаться от неловкости – что может быть лучше?

К тому времени как впереди показался перекресток, Генри уже так наслаждался лесной прогулкой, что только в последний момент сообразил: придется как-то заставить Снежка свернуть с маршрута, по которому тот мрачно брел целый час. Генри попытался мысленно заставить коня повернуть, но, конечно, ничего не вышло. Громкий приказ «Направо!» Снежок также оставил без внимания. Тогда Генри, пораскинув мозгами, сообразил, что поводья вполне могут пригодиться, и дернул их вправо в надежде, что конь повернет. Это внезапно подействовало, и они оказались на восточной дороге. Генри вздохнул с облегчением. Он даже не думал, что поворот в верную сторону может так поднять настроение.

Покосившийся столб на обочине украшали стрелки с названиями ближайших деревень: «Малые Слизни» «Гринхем» и «Иглобрюшье». Когда впереди три дня пути, нечего спрашивать дорогу в первой же деревне, и Генри поехал мимо. Скоро остались позади и Малые Слизни (дома всех оттенков синего и большие

стада неизвестных рогатых животных), и Гринхем (пестрые лачуги вокруг пруда с утками, на которых Генри поохотился бы, будь у него нормальное оружие), и таинственное Иглобрюшье. А потом вдоль дороги начали попадаться таблички.

На старых деревяшках, гвоздями прибитых к стволам сосен, были выцветшие надписи: «Детям не ходить!», «Не вздумайте сюда лезть!», «Там нет ничего интересного», «Узнаем, что вы сюда ходили, – искать не будем!». Затем Генри попалась куча валежника, наваленная поперек дороги, видимо, для того, чтобы преградить путь тем самым детям.

Снежок, увидев преграду, повел себя странно – взбодрился, заржал, на миг замер, а потом набрал скорость и прыгнул. Генри успел только прижаться к его холке – ему показалось, что от этого прыжка у него внутри что-то оборвалось, как от падения в холодную воду. В ту секунду, которую они провели в воздухе, Генри был уверен, что конь сейчас упадет, переломав себе – и ему – ноги, но тот приземлился неожиданно ловко и рысцой двинулся дальше.

Как это часто бывает, когда удачно переживешь что-то страшное, Генри поймал себя на мысли, что не отказался бы такое повторить. То же самое он чувствовал, когда впервые переплыл горную речку под одобрительные понукания отца, и когда в первый раз стрелой убил кролика, а отец стоял на склоне и улыбался своей скупой, мрачноватой улыбкой. Эти воспоминания были такими счастливыми, что Генри стало не по себе. Он старался не думать об отце, но тот занимал все его воспоминания, каждый его день с тех пор, как он себя помнил. Генри был даже рад, когда ему стало не до размышлений, потому что выложенная плоскими камнями дорога закончилась и Снежок остановился как вкопанный.

Впереди тянулась замшелая стена высотой в два человеческих роста, а в ней была полукруглая арка. Генри опасливо заглянул в проем: еще две стены тянулись вдаль, образуя что-то вроде уходящего вперед коридора без потолка. Земля в нем поросла первой сочной травой, окон не было. Если это был дом, который построили себе древние люди, то спланировали они его довольно странно. Впрочем, куда больше Генри удивляло, откуда жители такой зеленой и равнинной местности натаскали столько камней. Генри огляделся: стена тянулась в обе стороны насколько хватало глаз. Можно было, конечно, попытаться ее объехать, но вокруг было полно сухих ежевичных кустов – в одиночку он кое-как бы пробрался, а вот с конем... Тот весь расцарапается, и кто знает, вдруг снова озверееет?

Это место выглядело бы совершенно безобидным, если бы не десятки грозных надписей на стене – видимо, от тех же родителей из деревни Иглобрюшье. Надписи эти, как и предыдущие, обещали детям различные кары за то, что они сюда пришли. Некоторые были даже адресованы кому-то лично: некий Сэм упоминался раза три. Самая длинная из посвященных ему надписей гласила: «Сэм, зайдешь внутрь – останешься без тянучек на неделю. Быстро домой!» Судя по облупленной, посеревшей краске, Сэм с тех пор успел вырасти и обзавестись внуками.

Пока Генри размышлял, что ему делать, Снежок начал щипать траву под стеной. Гулкий хрупящий звук, который он при этом издавал, напомнил Генри, что зубы у коня что надо и не следует его злить. Генри аккуратно вдавил пятки Снежку в бока, и тот, с трудом оторвавшись от еды, вошел в арку.

С минуту Генри думал, что сейчас что-нибудь рухнет ему на голову и он поймет, почему это место так не нравилось здешним родителям, но ничего не произошло. Снежок бесстрашно шагал вперед, и Генри перестал беспокоиться. Они идут прямо на восток – а значит, все в порядке. Так он думал, пока тропа не раздвоилась.

Впереди острым углом торчала еще одна стена, а тропа обходила ее с двух сторон. Генри понятия не имел, как выбрать дорогу, и предоставил право Снежку. Тот побрел по левой тропе, и следующие пять минут они ехали по заросшему травой широкому ходу, пока он не разошелся еще на три. Генри потянул Снежка вправо, и вскоре оказалось, что путь, которым они поехали, превращается в два, на этот раз – полукруглых, дугой огибающих очередную стену.

Генри едва не застонал. Впервые в жизни он оказался в таком бессмысленном пространстве. У того, кто потратил кучу сил, чтобы выстроить переплетение каменных коридоров, видимо, было слишком много свободного времени. Генри успел побывать еще на трех развилках, прежде чем решил, что с него хватит и лучше он как-нибудь проведет коня сквозь лес, обогнув эту бесполезную громадину.

На то, чтобы развернуть коня в каменном коридоре, потребовалось столько смекалки и упрямства, что хватило бы на поимку какого-нибудь хитрого лесного зверя, но наконец Снежок все-таки побрел назад. Генри каждый раз выбирал ту

же тропу, что и в первый раз, у него была хорошая память, и он не сомневался, что вот-вот вый дет в длинный коридор, ведущий к арке, но куда там! Дороги множились, а земля здесь почему-то не сохраняла следов – пружинила и разглаживалась сразу после того, как на нее надавливало копыто. Через полчаса Генри пришлось признать, что он, умелый охотник, позорно заблудился.

Это было так смешно, что Генри хмыкнул, – а потом заметил кое-что, отчего смеяться тут же расхотелось. За одним из поворотов под копытом коня что-то громко хрустнуло, тот испуганно дернулся назад, и Генри увидел кости, лежащие поперек дороги в таком правильном порядке – от маленького черепа до длинных суставчатых стоп, – что сразу было ясно: ребенок лежал здесь лет сто, никем не тронутый, пока Снежок не наступил на него. Генри похолодел. До него дошло, почему родители запрещали детям ходить сюда: те из любопытства залезали в эти коридоры, а потом не могли найти дорогу назад.

«Очень глупо», – шепнул знакомый голос, и Генри замер. Нет, только этого не хватало! Он испугался, и огонь тут же решил этим воспользоваться. Опять это мерзкое чувство, будто кто-то шепчет на ухо изнутри. Голос подсказывал снять перчатки, уничтожить все стены вокруг себя. Генри по привычке попытался заставить его замолчать, но вдруг понял: а ведь это неплохая идея. Дар уже работает в полную силу, и если он воспользуется им снова, хуже не будет.

Генри стянул перчатку и коснулся стены. Тело прошило удовольствием, камни под его рукой пеплом посыпались вниз, но тут конь заржал, встал на дыбы и сбросил Генри – тот в маревае наслаждения от прикосновения к чему-то голой рукой забыл держаться за поводья.

От удара о землю Генри разом очнулся. Он даже не успел испугаться, что конь его затопчет, – тот метнулся вперед и, не разбирая дороги, побежал по ближайшему проходу. Генри схватил с земли перчатку и надел ее, пока еще мог себя заставить. Жар сразу отступил, и Генри понял две вещи. В стене теперь дыра, и это хорошо. Но Снежок сбежал, и это плохо, потому что на нем остались сумки, в которых наверняка провизия и вода. Генри прислушался: земля была слишком мягкая, чтобы различить стук копыт, но Снежка отлично выдавали сумки, хлопавшие его по бокам. И Генри, прихрамывая, побрел следом – при падении дурацкий меч больно ударил его по бедру.

Он размышлял о том, что этот день не мог бы стать еще хуже, когда именно это и произошло. Неподалеку Генри вдруг услышал чих, приглушенный рукавом или

ладонью и явно человеческий. Может, кто-то, хорошо знающий это место, прячется здесь, ждет, пока заблудившиеся дойдут до отчаяния, и отбирает у них вещи? Когда дело касается имущества, от людей можно всякого ждать. Генри сжал пальцы на рукоятке меча и потянул его на себя – хоть какое-то оружие, – но, увы, пользовался он им впервые в жизни, поэтому неловко чиркнул лезвием о ножны. Теперь грабитель наверняка понял, что его заметили. Генри хотел было остаться на месте, но отец учил его встречать опасность лицом к лицу, и он двинулся туда, где слышал звук. Надо заставить грабителя показать ему выход, это лучший способ отсюда выбраться. Генри бесшумно пролез сквозь дыру в каменной кладке, свернул раз, другой. Если тот, кого он ищет, еще не сбежал, они встретятся за следующим поворотом.

Генри вскинул меч, опять поразившись, насколько это тяжелая штука. Драться таким куском железа невозможно, а чтобы припугнуть – сойдет. Он храбро выскочил из-за угла, но что-то металлическое сразу ударило меч с такой силой, что Генри едва не выпустил его из рук.

Железным предметом оказался почти такой же меч, а в руках его держал...

– Да чтоб тебя! – вскрикнул Эдвард, пяясь и поднимая меч выше. – Не подходи. Ни шагу.

– Опустит, – выдохнул Генри.

При виде направленного ему в грудь острия желание снять перчатки шевельнулось снова.

– Я что, больной? – заорал Эдвард, крепче сжимая рукоятку. – Ты мне в глотку вцепишься! А ну пошел отсюда!

Генри медленно сел на землю, опустив меч рядом. Если хочешь показать мирные намерения, стань ниже ростом – со зверями это обычно работает. Сработало и сейчас: руки у Эдварда перестали дрожать.

– Просто дай нам уйти, и никто не пострадает, – пробормотал он. – Да успокойся ты!

Последнее относилось к черному коню, стоявшему за его плечом, – он толкал Эдварда лбом в спину, еле слышно всхрапывая.

– Ты сбежал сразу, когда отец выгнал тебя из зала, так? – мрачно спросил Генри.

Он бы, пожалуй, все же предпочел встречу с грабителем. Помимо того, что нужно самому отсюда выбираться, теперь придется терять время на то, чтобы вернуть этого болвана домой.

– Думал, я еще раз позволю тебе отнять мои подвиги? – процедил Эдвард, отпихнув коня, который ткнул его носом в ухо. – Имей в виду, я хорошо владею мечом. Если хочешь отнять еще и мою жизнь, придется постараться.

– Если бы я хотел, ты бы тут уже не стоял, – огрызнулся Генри.

Ему совершенно не нравилось сидеть на земле, когда Эдвард нависал над ним, но он боялся, что если встанет, тот и правда со страху треснет его мечом. Разговор зашел в тупик, и минуты две они молчали, исподлобья глядя друг на друга. Генри размышлял о том, как его угораздило оказаться в таком местечке в такой компании, а Эдвард все перехватывал меч поудобнее – кажется, руки у него порядком затекли. Черному коню надоело, что на него не обращают внимания, и он начал мирно щипать траву. Все это наверняка продолжалось бы еще долго, если бы вдалеке не раздалось пронзительное ржание, при звуках которого Эдвард подскочил. Он с опаской обогнул Генри и заглянул за угол, словно думал, что конь все это время стоял там.

– Ты что, потерял несчастное животное? Здесь? Ты в своем уме?

– То, что мы оба потерялись, волнует тебя меньше, чем конь?

– Я не потерялся, – церемонно ответил Эдвард. – Я занимался поиском выхода. Такие постройки предки создавали для развлечения, а значит, выход найти должно быть не очень сложно.

– Скажи это скелету ребенка, который лежит вон там.

Генри неопределенно махнул в сторону. Он уже настолько запутался в коридорах, что не смог бы отыскать то место, даже если бы вдруг захотел.

– Думаешь, напугал? Я сам видел два, причем взрослых, – скривился Эдвард. – В древние времена такого не случилось. Если бы ребенок потерялся, любой неглупый взрослый легко бы его нашел. А тут родители, видимо, искали сына, но... Здесь и на крик, по-моему, невозможно дойти куда надо. И как ты вышел прямо на меня? Ладно, хватит болтовни. Ты идешь своей дорогой, я своей, каждый сам ищет выход. И не вздумай уходить без коня, он не должен жизнью платить за то, что ему достался такой седок.

Эдвард взял своего коня за поводья и, утягивая его за собой, начал пятиться в ближайший коридор.

– Стой, – сказал Генри. Ему не хотелось обращаться за услугой, но делать было нечего. – Ты вроде разбираешься в конях. Как мне его приманить?

– Как ты на него сел, не зная даже этого? – утомленно спросил Эдвард.

– Меня Олдус посадил. И двое слуг. Не уверен, что без них смогу залезть обратно.

Эдвард застонал.

– Только ради коня, – предупредил он. – Пошли, надо его найти. Не хочу застрять в лабиринте до вечера.

– В лаби... чем?

– О, прости, забыл, что твой словарный запас поместился бы на трех страницах, – проворчал Эдвард и осекся, будто вспомнил, с кем имеет дело. – Иди первым, – дрогнувшим голосом сказал он.

Генри вложил свой меч в ножны и поднялся.

– Если уберешь оружие и не будешь к нему прикасаться.

Эдвард послушался, делая вид, что без меча ему не очень-то и страшно.

Пока они спорили, Снежок ухитрился уйти так далеко, что его даже не было слышно. Генри выбирал путь, Эдвард щелкал языком и повторял: «Ко мне», но оба никакого успеха не добились: Снежок как в воду канул, а повороты по-прежнему множились без всякого порядка. Черный конь устало брел, опустив голову едва ли не до земли. Видимо, Эдвард гнал его из дворца во весь опор, стараясь оставить Генри далеко позади.

- Я еще раз могу попробовать уничтожить этот лабиринт, - в конце концов сказал Генри. Эдвард в ответ возмущенно фыркнул, и Генри прибавил: - Ты отойдешь подальше, а я буду делать перерывы и почаще надевать перчатки.

- Лабиринт - это достояние всего королевства, - отрезал Эдвард.

- Отличное достояние.

- Как думаешь, почему за три века никто его не разрушил и даже не заколотил вход? Наверняка это волшебное место, и оно само себя защищает, дыры в нем тут же зарастут. Здесь надо действовать умнее, поставить себя на место предков, и...

Генри развернулся так резко, что Эдвард отпрянул и натолкнулся на коня.

- «Поставить» - это идея! Мы можем обмануть этот лабри... это место, - взбудораженно начал Генри. - Значит, так. Ты встаешь у стены, я встаю тебе на плечи, забираюсь на стену и смотрю, где выход.

- Во-первых, я к тебе ближе, чем на три шага, не подойду. Во-вторых, почему это ты мне на плечи, а не я тебе? Я выше по происхождению.

- И килограммов на десять тяжелее. Это все равно что лося поставить на кабана.

Судя по взгляду Эдварда, тот никогда не видел ни того ни другого и потому объяснения не понял.

– Я бы и без тебя забрался, но стена слишком гладкая. Если струсил, так и скажи, – бросил Генри и сразу понял: его слова возымели прямо-таки волшебное действие.

Вскоре выяснилось, что не так-то просто залезть на плечи тому, кто наотрез отказывается наклониться, потому что выше по происхождению, но в конце концов Генри кое-как справился. Сапоги, правда, пришлось снять – уверения Генри, что они не такие уж грязные, были оставлены без внимания. Эдвард, кряхтя, выпрямился, Генри поудобнее переступил босыми ногами и схватился руками за край стены, но, увы, сразу понял: недостаточно высоко. В таком положении он мог разве что нос за стену высунуть. Какое-то время он упрямо пытался подтянуться на скользких камнях, а Эдвард – не уронить его, пока оба не выбились из сил.

– У меня есть другая идея, – выдохнул Генри, когда они, тяжело дыша, сели у подножия стены.

– Боюсь даже спрашивать.

– Все то же самое, только ты будешь на коне.

Эдвард уставился на него во все глаза.

– Такое только ты мог придумать.

– Спасибо, – кивнул Генри. Он был польщен. – Если просто встать коню на спину, будет то же, что сейчас, а так у нас есть шанс. Залезай. Но если у тебя другие идеи – валяй, говори.

Других идей у Эдварда не было, и он нехотя посадил Генри на коня, а потом залез сам. Генри встал ему на плечи и оттуда легко перебрался на стену.

– Ух ты, – пробормотал он, выпрямившись в полный рост.

Отсюда были видны все переходы – оказалось, что эта постройка представляет собой огромный квадрат, наполненный спутанными коридорами. Они уже как-то прошли половину пути – вторая арка смутно виднелась вдалеке, а Снежок мирно

щипал траву в левой части квадрата.

– Ну что, куда идти? – нетерпеливо спросил Эдвард, и тут Генри понял, что есть одна непредвиденная проблема.

Он видел, где выход, но понятия не имел, какой из коридоров надо выбрать, чтобы до него добраться.

– Сейчас, сейчас, – забормотал Генри, лихорадочно просчитывая разные варианты, но каждый из них уводил от выхода только дальше.

Когда Эдварду надоело ждать, он внезапно доказал, что тоже способен придумать что-нибудь дельное. Порывшись в сумке на спине коня, он вытащил мятый лист бумаги и угольную палочку вроде тех, какими пользовалась Агата.

– Нарисуй то, что видишь, а потом по рисунку найдем выход, – сказал он, протянув все это Генри.

Тот взял и попытался изобразить все переходы. Это оказалось не так-то просто для человека, который не рисовал ни разу в жизни, но спустя четверть часа он все же спрыгнул и отдал Эдварду рисунок, заполненный кривыми линиями.

– Это самая уродливая картина, какую я видел. Даже мой шестилетний брат рисовал лучше, – фыркнул Эдвард, и на секунду его челюсти сжались, как от злости.

То, что и Эдвард, и король до сих пор не могут забыть своего умершего родича, казалось Генри жутким и заволаживающим одновременно. Он всегда думал, что мертвецы для людей – то же, что для зверей: живые просто оставляют их позади и идут дальше, но, видимо, он ошибался. Генри внезапно захотелось поговорить об этом, но он справедливо рассудил, что ничего хорошего не выйдет, и вслух сказал:

– Если хочешь, отгадывай сам.

Эдвард выхватил у него лист, сел на землю и минут на пять затих, а потом с самодовольной улыбкой протянул обратно тот же лист, но с жирной извилистой

линией, ведущей к выходу таким причудливым путем, что Генри уважительно кивнул.

На этот раз дорога была не такой уж утомительной – они шагали все быстрее, без колебаний сворачивая в новые коридоры, солнце весело освещало траву под ногами, и даже черный конь приободрился. Скоро впереди показался длинный коридор с аркой в конце, и Генри первым бросился к нему. Когда он выбежал из арки, на секунду ему показалось, что он вернулся туда же, откуда пришел: дорога тянулась вперед, под стеной, исписанной предупреждениями для детей, теснились кусты ежевики. Но потом он заметил: деревья здесь не такие высокие, чаще попадаются березы, а кое-где видны следы вырубki – низенькие сухие пни. Значит, люди близко.

Черный конь, сообразив, что его больше никуда не тащат, начал щипать траву, а Эдвард полез в сумку, вытащил плетеную флягу с водой и начал пить с видом человека, едва избегшего смерти. Генри потянул было руку к фляге, но Эдвард отвернулся.

– Мало ли какой заразы ты нахватался у себя в лесу, – огрызнулся он, и Генри с облегчением понял, что простая человеческая неприязнь окончательно победила в Эдварде страх перед разрушителем. – У тебя своя есть – никогда не поверю, что флягу не навьючили на твоего...

Они посмотрели друг на друга.

– Проклятье, – сказал Эдвард.

– Мы кое-что забыли, – пробормотал Генри.

Оба так стремились побыстрее выбраться, что даже не вспомнили про Снежка.

На то, чтобы вывести из лабиринта усталого коня, они потратили еще полчаса. Пришлось снова лезть на стену, рисовать маршрут «Снежок – выход» и отправлять Эдварда обратно, поскольку Генри не слишком рассчитывал на то, что, увидев его самого, Снежок радостно бросится навстречу.

Генри со стены наблюдал, как Эдвард, не отрывая носа от рисунка, добрался до коня и повел его за собой. Получилось у него до обидного легко: он бормотал что-то успокаивающее и тащил Снежка вперед, а тот не пытался ни лягнуть его, ни укусить. Как только они вышли, Генри спрыгнул на землю, и Снежок шарахнулся в сторону.

– Ну, счастливо оставаться, – фыркнул Эдвард, глядя, как Генри пытается поймать отступающего Снежка за поводья. – Поверь, к тому времени, как ты доберешься до Разноцветных скал, от похитителя кур останутся рожки да ножки.

Сам он, несмотря на болезненную бледность, вскочил в седло так ловко, что Генри почувствовал укол зависти.

– Я бы на твоём месте вернулся домой, а то рожки да ножки останутся вовсе не от зверя, – пробормотал он и наконец-то ухватил Снежка за поводья.

Тот задергался, но Генри рывками подтащил его к ближайшему дереву и привязал поводья к ветке – залезть в седло наверняка легче, если конь не может сбежать. Генри собирался уже попытаться, но тут заметил, с каким любопытством смотрит на него Эдвард, и передумал. Тот, видимо, ждал веселого представления, и Генри решил, что не станет его развлекать. Заодно он вспомнил, что у него тоже должна быть фляга с водой, и попытался найти ее в сумках, висящих по сторонам седла.

Там оказалось куда больше вещей, чем Генри ожидал найти. Он осмотрел все свертки и обнаружил две пары сменной одежды, два одеяла, тяжелый мешочек с монетами, карту, огниво, моток веревки, сухари, копченое мясо неизвестной птицы, яблоки и еще какую-то незнакомую пищу. Уилфред ухитрился положить даже расческу, полотенце, мыло и мочалку, хотя без них Генри точно бы обошелся.

Отыскав наконец воду, Генри приник к фляге так жадно, что не сразу заметил, как изменился взгляд Эдварда. Теперь в нем читалась зависть – и, посмотрев на его сумку, Генри сообразил, почему: она была раза в два меньше. Ну конечно, он же сбежал тайком, толком собраться было некогда.

Генри отошел от Снежка подальше, чтобы тот не ударил его копытом, и принялся за копченую птицу – он только сейчас почувствовал, что голоден как волк.

– Я уезжаю, – заявил Эдвард, старательно избегая взглядом кусков мяса, которые исчезали у Генри во рту.

– Если научишь меня вот так заскакивать на лошадь, отдам тебе половину мяса, – не переставая жевать, сказал Генри.

Взгляд у Эдварда мечтательно затуманился, и Генри уже протянул руку, чтобы скрепить сделку, когда тот очнулся и покачал головой.

– Думаешь, мне нужен кусок жалкой курицы? Я тебе расскажу, что будет дальше. – Он развернул карту. – На пути мне попадется пара деревенок. Прямо рядом с нами, к примеру, место под названием Элвуд, где крестьяне уж точно накормят своего будущего монарха всей снедью, какая найдется. Да они меня на руках носить будут, и...

В воздухе раздался короткий свист, и прежде чем Генри успел хотя бы проглотить кусок, стрела сбила Эдварда с коня. Еще одна стрела насквозь пробила курицу. Генри замер. Он считал, что они с отцом – единственные люди в королевстве, умеющие так метко стрелять.

– Мой эполет! – простонал Эдвард.

Генри думал, что это какая-то часть тела, но потом увидел: Эдвард держится за золотую нашивку на плече.

– Руки вверх, – скомандовал мрачный женский голос.

Из-за дерева вышла девушка в мешковатых штанах и рваной куртке. На поясе у нее висели три кроличьи тушки, а в руках был лук со стрелой и крепко натянутой тетивой. Генри с одного взгляда определил: этот лук не сравнить с теми, какие он видел у посланников из дворца и охотников из Хейверхилла. Он походил на те, что вырезали они с отцом: новый, удобный. Стрела была с ровным, аккуратным оперением – такая полетит точно в цель. Генри сжал зубы. Радость при виде хорошо сделанной вещи тут же потухла, когда внутри проснулся огонь.

Эдвард, впрочем, опасности не оценил – вид у него был скорее раздраженный, чем испуганный. Он поднялся и выдернул стрелу из украшения на плече – на острие остались обрывки золотых ниток.

– Милая девушка, ну и странные у вас тут способы приветствия, – снисходительно проговорил он. – Что это за деревня, где женщины охотятся и носят мужскую одежду? Пожалуй, мне лучше проехать мимо.

Он обернулся к Генри, будто надеялся, что тот разделит его недовольство, – и, приглядевшись к его лицу, вздрогнул.

– Беги отсюда, – совсем другим голосом сказал девушке Эдвард. – Ты не понимаешь, что делаешь. Он опасен, может броситься и...

Девушка фыркнула и слегка опустила лук. Речь ее не впечатлила и, обернувшись снова, Эдвард увидел почему. Генри за это время успел отстегнуть от пояса меч, положить его на землю и лечь рядом, глядя в небо и мерно дыша.

В голове стучали знакомые приказы: «сними перчатки», «убей», «забери чужие силы», – но он не собирался слушать.

– Она же просто женщина, – растерялся Эдвард. – Ты что, испугался женщины?

- Не вижу разницы, у кого в руках оружие – у женщины или у мужчины, – с усилием произнес Генри.

У него было чувство, будто рот ему залепило смолой. Огонь не хотел разговоров. Он хотел действий.

- Слуга у вас не слишком храбрый, – насмешливо проговорила девушка. – А теперь идите за мной. Наш старейшина разберется, что с вами делать.

- Да, конечно, уже бегу. Когда ты узнаешь, кто я, будешь умолять меня простить тебя, дуреху, за неуважение, – бросил Эдвард. – Я сын короля, и тебе крупно повезло. Честь видеть меня своими глазами выпадает не каждому.

Восхищенного вопля, которого он ждал, не последовало.

- И правда повезло, – невозмутимо ответила она. – Раз ты сынок короля, тот кучу денег отвалит, чтобы тебя вернуть. Хоть чем-то отыграемся за то, что он отбирает у нас пятую часть заработка.

- Пятую? Налог с жителей составляет десять процентов, это каждый знает! – возмутился Эдвард. – Все, мне это надоело. Тебе повезло, что я всего лишь еду своей дорогой, а то я бы велел твоим родителям поучить тебя хорошим манерам.

- Вот этой дорогой к нам никто еще не приезжал. – Девушка кивнула на лабиринт. – Подозрительно. Ну да ладно, об этом пусть у старейшины голова болит.

Эдвард с видом человека, утомленного чужой глупостью, собирался уже сесть в седло, но следующая фраза девушки его остановила.

- Сядешь на коня, и ему конец. Я не промахнусь, не сомневайся.

- Так и будешь лежать? – прошипел Эдвард, оборачиваясь к Генри.

Тот кивнул. Самого себя он боялся куда больше, чем охотницу. А потом ему в голову пришла великолепная мысль, от которой жар наконец отступил.

– У тебя дар охотницы, верно? Проснулся в последние три недели.

Она хохотнула.

– Вы что, тоже с ума сошли? Никаких даров не бывает.

– Почему «тоже»? – спросил Генри.

– Хватит болтать, – выплюнула она, и лицо ее скривилось от злости. – Все просто: либо идете со мной, либо я вас убью. Я безумная, мне терять нечего.

Генри поднялся, взял под уздцы притихшего Снежка и зашагал вперед.

– Куда? – рявкнул Эдвард. – Ты что, будешь слушать угрозы девчонки?

– У тебя что-то не то с чувством опасности, – устало пробормотал Генри. Он взял себя в руки с таким трудом, что вымотался, как после долгого бега. – Она не шутит. Если будешь дальше ее раздражать, она выстрелит.

– Слуга вам дело говорит, – сказала девушка. – Шагайте, ваше высочество.

Еще минуту Эдвард стоял на месте, расправив плечи и вскинув голову, будто всерьез ждал, что от его впечатляющего вида девушка передумает. Когда этого не произошло, он мрачно взял коня за поводья.

– Как только в твоей деревне узнают, кто я такой, они в ногах у меня будут валяться, – предупредил он.

Но по его голосу Генри сразу понял: Эдвард уже и сам начал в этом сомневаться.

Вскоре справа от дороги замелькали крыши темных, будто разбухших от сырости и времени домишек. Кажется, этим путем никто сюда и правда не ходил, не было даже тропинки от дороги к деревне. Шагая по опавшей хвое, Генри часто косился на девушку и видел: чем ближе деревня, тем мрачнее становится ее лицо. Как только они вышли на покрытую весенней грязью улицу,

Генри узнал почему.

– Глядите-ка, чокнутая Марта нашла себе дружков! – хохотнул парень, копавшийся в огороде перед домом.

Ничего себе дичь! – подхватила женщина, которая развешивала покрытое заплатами белье. – Эй, Марта, поделишься? Зачем дурнушке такие шикарные кавалеры?

Она подмигнула Эдварду, и тот гневно отвернулся.

– Эй, Марта, продай кроликов! – крикнул мужчина, сидевший на крыльце своей лачуги. – Надеюсь, то, что их поймала ты, на вкусе не отразится!

Марта подошла к нему, не сводя глаз с Эдварда и всем своим видом показывая, что если тот решит сбежать – пожалеет. Она убрала стрелу в колчан и положила кроличьи тушки на крыльцо, а мужчина пошарил в кармане и достал несколько монеток. Марта протянула за ними руку, но мужчина бросил их ей под ноги.

Щеки у нее немедленно налились красным, но она молча собрала монеты и сунула в карман куртки.

– А почему они называют тебя сумасшедшей? – не выдержал Генри.

– Не заметно? – зло спросила Марта, снова доставая из колчана стрелу.

– Была нормальная девушка, дочь потомственной прачки, – ответил мужчина, придирчиво разглядывая кроликов. – А пару недель назад переделась в мужской наряд, сама сделала лук и стала по лесам бегать. Говорит, так охотиться захотела, что спать не могла. Слышали когда-нибудь такую ерунду?

– Не в юбке же ей зверей ловить, – пожал плечами Генри. – Наверняка это неудобно.

Марта посмотрела на него так, будто ничего прекраснее в жизни не слышала. Лицо у нее было бледное, измученное, и Генри внезапно заметил кое-что странное. Все остальные на этой улице выглядели так же – словно долго болели.

Он хотел уже спросить, что с ними, но Марта угрожающе ткнула луком в его сторону, и он предпочел молча направиться туда, куда она указывала.

Через пять минут они оказались на грязной, заваленной мусором площади. Посреди нее высилось дерево в блекло-зеленом мареве распускающихся листьев, под ним вяло, будто через силу, играли дети. Когда Марта прошла мимо них, один швырнул в нее ореховой скорлупой, но она, не оглядываясь, направилась к темно-красному двухэтажному дому, перед которым толпились человек тридцать.

На крыльце стоял смуглый парень в оранжевой куртке с ветхими кружевами. Генри уже понял, что у людей яркая и старая одежда – признак богатства и власти. Так и оказалось: мускулистый седой человек, стоявший перед парнем, кланялся ему, как старшему.

Все, кто стоял рядом, были так увлечены разговором на крыльце, что на новоприбывших и внимания не обратили.

– Эй, Лиам, что тут творится? – пронзительно крикнула Марта.

Парень подскочил. У него были крупные руки, сильные плечи – и все равно он казался совершенно больным. Даже Эдвард, который всю жизнь не выходил из дворца, а позавчера едва не протянул ноги, выглядел лучше.

Как только Марту заметили, все вокруг нее подались в стороны, будто она могла их чем-то заразить, но парень по имени Лиам в нелепом кружевном воротнике ответил ей вполне дружелюбно.

– Джек говорит, что уже третий день кто-то по ночам работает в его кузнице. С утра он приходит, а все раскочегарено, никого нет, и на столе лежат новые лезвия для ножей.

– Духи предков небось шалят, – заявила старушка рядом с Генри. – Что за напасти на нашу деревню? Три человека умерли за две недели, а теперь это!

– Господин Лиам, сделайте что-нибудь! Попросите отца на этих духов управу найти! – взмолился кузнец, кланяясь так, что едва не ударился лбом об пол.

– Не думаю, что моего отца стоит беспокоить из-за такой безделицы, – твердо сказал Лиам. – Ему нездоровится, сами знаете. Кузница стоит у самого леса, стук никому не мешает, а если есть желающие ночью пойти и проверить, кто там озорничает, – прошу.

Желающих не нашлось.

– Джек, вы наш единственный потомственный кузнец, другим неоткуда взяться. Думаю, вы сами эти лезвия сделали и забыли, а потом воображение разыгралось, – продолжал Лиам.

– Да вот же, глядите, какое тонкое! Я такие и делать-то не умею!

Мускулистый Джек протянул ему лезвие, Лиам отвернулся, и, наверное, они препирались бы еще долго, но тут Марте это надоело.

– Лиам, позови своего отца, или я сама позову.

Парень покачал головой.

– Не посмеешь. Женщинам не положено напрямую обращаться к старейшине, даже ты это зна...

– Господин старейшина, выходите! – крикнула она так громко, что все ахнули.

На втором этаже дома скрипнула дверь, и на балкон вышел одутловатый человек в золотистом халате.

– Я же сказал: со всеми вопросами к Лиаму, пусть учится управлять! – прокрипел он. – Мне нехорошо.

– Глядите, кого я привела, господин старейшина! – умоляющим голосом начала Марта. – Это сам принц со слугой и двумя конями! Я охотилась и услышала их. Мы все знаем, сколько добра вы раз в полгода отвозите в столицу, но теперь-то мы королю покажем! Надо посадить принца под замок и написать королю, что мы вернем его сына, если он освободит нас от половины налога!

– Да налог и так небольшой, что за ерунду вы несете! – заорал Эдвард, разом забыв про свои хваленые манеры.

В глазах старейшины появилось то особенное выражение, которое Генри уже научился различать: он мысленно подсчитывал прибыль.

– Пожалуй, король ради сына скупиться не будет, – протянул он. – Думаю, и золота нам немало отмерит. Так, ну вот что, держите принца и его мальчишку крепче, а я решу, как нам... – не закончив, он надрывно закашлялся и прижал руку ко рту.

При виде мрачных мужчин, развернувшихся к ним, Генри стало не по себе. До него только теперь дошло, какую чудовищную глупость он сделал, согласившись на этот поход. Единственное, что он хорошо умеет, – драться, а теперь нечего об этом и думать. От одних только угрожающих взглядов его голову застилает горячим туманом, а что будет, если он встретит настоящую опасность?

– Прошу минутку внимания, господа! – воскликнул Эдвард, вскинув руки. Было заметно, как он старается, чтобы голос не дрожал, и это немного портило впечатление. – Уважаемый старейшина и жители деревни! Я принес вам радостную весть. Сердце волшебства вернулось, а вместе с ним – и дары, и волшебные существа. Король отправил меня на восток, чтобы побороть опасную тварь, грозящую людям. Я – первый из белых рыцарей нового мира, и если вам дорого наше королевство, вы должны меня отпустить.

– Белый рыцарь? – переспросил старейшина. Глаза у него забегали. – А знаете, я передумал. Мы вас отпустим. Таков мой приказ. Прошу! – И он широким жестом обвел площадь, показывая Эдварду, что путь свободен.

Генри нахмурился. Он был уверен, что все обрадуются, начнут расспрашивать про Сердце и дары, но вместо этого люди растерялись, замерли, будто напуганные чем-то. Отец учил Генри всему искать разумное объяснение, но Эдвард был так восхищен силой своего красноречия, что ни о чем больше, видимо, думать не мог. С самодовольной усмешкой он вскочил на коня, и все расступились, освобождая ему дорогу.

Какая-то часть Генри мечтала только о том, чтобы ни во что не вмешиваться и радоваться избавлению. Но другая часть, та, что когда-то заставила его довести

до конца безумный поход за Сердцем, велела ему остаться на месте.

– А что вы все так плохо выглядите? – спросил он, и люди посмотрели друг на друга так, будто впервые это заметили.

– Ваше высочество, не очень-то у вас воспитанный слуга, – проямлил старейшина.

– Я ему не слуга, я наследник Сиварда. Это я нашел Сердце волшебства.

– Угу, конечно, – фыркнула Марта. – Где это видано, чтобы принц без слуги путешествовал?

– А Барс уж наверняка кого-нибудь покрупнее бы выбрал, – прибавила какая-то старушка.

Генри в который раз пожалел, что Барс явно не все продумал. Куда удобнее было бы, например, если бы над головой у Генри загорелась надпись: «Я правда избранный» – и никогда не пропадала. Тогда не пришлось бы каждый раз доказывать всем одно и то же.

– Вид у вас хуже некуда, – сказал он, махнув рукой на объяснения. – Вы что, болеете чем-то?

– Такие вопросы задавать неприлично, – прошипел Эдвард и, повернувшись к какой-то девушке, громко прибавил: – Вы прекрасно выглядите, не слушайте его.

– Совсем не прекрасно, – заупрямился Генри. – Seriously, что с вами?

– Вас отпустили, что вам еще нужно? Хотите денег? – Старейшина пошел красными пятнами. – Мы вам заплатим, и вы немедленно уйдете, договорились?

– Принимаю ваше любезное предложение, – кивнул Эдвард.

– Ты что, не видишь? – выдохнул Генри, дернув его за стремя. – С ними что-то не так!

– Слушай, это не мое дело и уж точно не твое. Уносим ноги.

Генри крепче вцепился в стремя.

– Если сможешь выяснить, в чем дело, отдам тебе курицу.

Пару секунд Эдвард размышлял, а потом его лицо разом преобразилось. Когда он хотел кому-то понравиться, в нем будто загорался свет.

– Господа, я глубоко обеспокоен вашим здоровьем, – громко сказал он. – Долг короля и всех во дворце – заботиться о подданных. Не бойтесь, расскажите мне, в чем дело. Я ваш друг.

Когда никто не ответил, он подъехал к бледному мальчику лет шести и слез с коня. Мальчик уставился на него, как на чудо.

– Привет, малыш. Скажи мне, почему мы должны уехать? Чего вы все боитесь? – мягко спросил его Эдвард. – Я не буду тебя ругать, и никто не будет.

– Она рассердится, если вы останетесь, – пробормотал мальчик, затравленно озираясь.

Эдвард перевел взгляд на встрепанную Марту со сбитым в сторону воротником.

– Она? – нахмурился он.

Ребенок покачал головой. Мать стояла рядом и держала его за руку, но он смотрел не на нее, а искал взглядом кого-то в толпе.

– Вы знаете, о ком он говорит? – спросил Эдвард у женщины.

– Нет, – быстро ответила она, оглядываясь и прижимая к себе сына.

Генри вздохнул. Пора было брать дело в свои руки. Он подошел и ткнул в мальчика пальцем.

– Ты храбрец или трус? – спросил он. – Если не можешь заставить себя делать то, что не хочешь, значит, ты просто слабак и никогда не вырастешь мужчиной.

Отец часто ему это говорил, и слова вспомнились легко. Правда, Эдварду они почему-то не понравились.

– Простите его, он неграмотный, – убитым голосом сказал Эдвард женщине. – И с детьми разговаривать не умеет.

Генри даже ухом не повел. Главное, что подействовало: мальчик покраснел и заговорил:

– Она. Страшная женщина с волосами, как сосульки. Я играл там, на окраине, где груды песка. Она подошла ко мне и сказала, что знает мой секрет. Знает, что это я сломал дедушкино кресло. – Он опустил голову ниже, смаргивая слезы.

– Ты? – ахнула его мать, и мальчик втянул голову в плечи. – Да это же было наше лучшее кресло! Я думала, оно от старости развалилось! Ах ты паршивец!

Женщина занесла руку, чтобы отвесить ему подзатыльник, но Эдвард ее остановил.

– Она сказала, что если я разрешу ей взять меня за руку, она никому не расскажет, – сквозь слезы проговорил мальчик. – Рука у нее холодная, она подержала минуту, а потом ушла. И все. Она сказала, что я могу почувствовать себя плохо, но это от стыда, и ничего страшного.

– С кем-то еще подобное произошло? – по-прежнему оттесняя мать от мальчика, спросил Эдвард.

– Нет, – буркнул старейшина. – Какая глупость!

Эдвард тихо рассмеялся.

– Это Секретница. Я читал про нее: волшебное существо, которое питается силой людей. У нее всего одна способность – она видит твои тайны. Селится в какой-нибудь деревне и пьет силы жителей, а за это обещает не рассказывать никому

их секреты. Люди выглядят бледными, усталыми, будто сохнут от тоски. Те трое, которые умерли, были старыми и больными, так? – Он понял, что спросил это слишком уж бодро, и поспешно сделал мрачное лицо. – У них просто было слишком мало сил.

На площади стало очень тихо. К этому моменту сюда, кажется, собралась едва ли не половина деревни.

– Я думал, что сошел с ума, – пролепетал худощавый парень.

– Она приходила ко всем вам, – понял Генри. – И каждый боялся признаться, чтобы его не назвали сумасшедшим. – Он повернулся к Эдварду: – А в твоей книге было написано, как от нее избавиться?

Настроение у Эдварда тут же испортилось. Он покачал головой.

– Где она живет? – спросил Генри у Лиамы. Тот казался самым разумным в этой деревне.

– Никто не знает, – еле слышно выдохнул Лиам. – Она просто приходит.

– У тебя что, есть от меня секреты? – Старейшина гневно перегнулся через перила балкона. – Ты крал мои деньги? Нашел мои зачатки? Которую из них? Все?!

– Нет, отец, я...

– Милый, она и к тебе приходила? – гневно выпалила какая-то женщина, схватив за обе руки своего притихшего мужа. – У тебя что, есть тайны?

– Да так, ерунда из прошлого, – промямлил тот. – А у тебя?

Те же самые вопросы раздавались по всей площади. Местные жители не только им, чужакам, не хотели рассказывать про Секретницу, они и друг другу-то не рассказали.

– Ну давай, – обреченно сказал Генри, поворачиваясь к Эдварду. – Бросай этот свой вызов.

Он думал, Эдвард будет орать от восторга, что у него наконец-то есть шанс разобраться с волшебным существом, он же за этим и поехал, – но Эдвард только скривился.

– Ей нельзя бросить вызов! – прошипел он. – Тогда она расскажет всем твои тайны, а это позор. Я бы сразился, если бы надо было драться на мечах, но это... Нет уж, надо уходить. Главное – тихо и с достоинством. – Он прокашлялся и громко объявил: – Дорогие жители деревни! Нам нужно серьезно обдумать, как одержать победу над этим существом! Мы посоветуемся и пришлем вам помощь!

И он начал отступать вместе с конем к краю площади. Генри обвел взглядом рыдающего мальчика, которого мать ругала за сломанное кресло, растерянную Марту в мешковатых штанах, перепуганного Лиама, твердившего отцу, что не брал он никаких денег. Если Олдус сказал правду, ни одно существо не может отказать белому рыцарю в праве с ним сразиться.

– Я бросаю тебе вызов, – обреченно сказал он.

Его не услышали даже те, кто стоял рядом, но Генри знал: для волшебных существ это неважно. Они какими-то своими способами слышат, когда их зовут.

А потом он ее увидел. Сквозь толпу к нему шла румяная девушка с длинными рыжеватыми волосами и в красном платье. Генри в жизни не встречал человека с таким здоровым, ярким лицом. Она шла словно поневоле, будто ноги сами ее вели. Вызов, брошенный Генри, тянул ее к нему, но никто не обращал внимания на Секретницу – все были заняты ссорой.

– Все очень просто, – негромко протянула она, остановившись рядом с Генри. – Ты садишься на коня и уезжаешь, не говоря больше ни слова. Иначе я скажу им, кто ты такой, и тогда всем не поздоровится. – Она с улыбкой кивнула на его руки, а потом повернулась к застывшему рядом Эдварду: – Тебя это тоже касается. Ты же не хочешь, чтобы все узнали про господина Теодора?

У Эдварда всегда легко менялся цвет лица, но Генри еще не видел, чтобы он достигал настолько малинового оттенка.

– Нам пора, – быстро сказал он, и у Генри упало сердце.

– Так волшебство и правда вернулось. Ты мне не привиделась, – выдохнула Марта прямо у него над ухом, с ненавистью глядя на Секретницу. Генри даже не слышал, как Марта подошла, что лишний раз доказывало: она настоящая охотница. – У меня дар охоты. И я не сошла с ума!

В следующую секунду произошло то, чего Генри никак не ожидал. Марта вытащила из колчана стрелу, подняла лук и коротким, гладким движением выстрелила Секретнице в грудь.

Секретница задумчиво на себя посмотрела. Стрела попала прямо в сердце, но крови на платье не было. А потом Секретница потянула за древко, и стрела вышла бесшумно, как из воды.

– То, что я выгляжу как человек, еще ничего не значит, – насмешливо сказала она, бросив стрелу на землю. Вокруг становилось все тише, люди один за другим поворачивались к ней. – Но все равно неприятно. Ты сама напросилась, Марта. Я скажу всем правду, и прошлые насмешки покажутся тебе ерундой.

Не надо! – ахнула Марта, но Секретница уже вскинула руки и заговорила пронзительным, как птичий крик, голосом: – Эй, жители деревни! Вот она я! И теперь это мой дом, хотите вы этого или нет. Много сил я у вас не заберу, не волнуйтесь. Победить меня нельзя, попытаете выгнать – расскажу все ваши секреты. А чтобы показать, что я не шучу, проучу-ка я ту, что посмела в меня выстрелить. – Она повернулась к Марте. – Ты по уши влюблена в Лиаму. Обхохочешься: дочка потомственной прачки влюбилась в сына старейшины!

Марта побагровела, Лиам растерянно заморгал, но Генри на них едва взглянул. Он смотрел на платье Секретницы. Когда живешь в северном лесу, учишься различать малейшие оттенки цвета. Алое платье чуть побледнело, когда Секретница сказала правду. А что, если...

– Я разрушитель, – объявил Генри, поскорее, чтобы не передумать. – У меня дар огня. Если я сниму перчатки, я уничтожу что угодно.

Люди на площади испуганно притихли, Секретница замерла, и Генри ей мрачно улыбнулся.

- Тебе жить надоело? – выдохнул Эдвард.

- Смотри на платье, – прошептал Генри.

И Эдвард, кажется, наконец-то заметил: платье еще немного потеряло цвет.

- Теперь вы знаете его тайну, убейте его! – крикнула Секретница, но никто не сдвинулся с места.

- И кто такого умом обиженного взял королевскому сыну прислуживать? – шепотом спросил один из местных у другого.

- А вдруг не врет?

Человек фыркнул.

- Да ладно. В сказках принцы никогда без слуг не ездят. Что он, сапоги сам себе чистить будет?

Генри чуть не засмеялся от облегчения. Его расчет оправдался. В том, что ему никто не верил, были и хорошие стороны. Он надеялся, что до Эдварда теперь дойдет, что нужно делать, и, к счастью, тот не обманул его ожиданий.

- Ему в детстве камень на голову упал, не слушайте, – громко сказал Эдвард. У него было такое лицо, будто он сам не верил, что открыл рот. – А вот я вам скажу чистую правду.

Он полез в сумку, висящую на спине коня, и вытащил оттуда маленького тряпичного медведя с наполовину оторванной лапой.

- Это господин Теодор, наша семейная игрушка. Мама в детстве давала его мне только перед сном, чтобы я не испортил старинную вещь, играя с ней днем. Говорила, что он будет меня защищать от страшных снов. Я до сих пор сплю, положив его на подушку.

Он в упор посмотрел на Секретницу. Та закусила губу.

– Мне уже восемнадцать, а я еще ни разу не целовался с девушкой, – обреченно договорил Эдвард. – Но один раз я решил потренироваться и поцеловал медведя, и это был совсем не дружеский поцелуй. Мне до сих пор перед ним неловко, и я надеялся унести этот секрет с собой в могилу.

Такой гробовой тишины при таком скоплении народа Генри не слышал, даже когда нашел потерянную корону.

– А теперь посмотрите на нее, – продолжал Эдвард, кивнув на Секретницу. Уже невозможно было не заметить, что ее платье и румянец на щеках теряют цвет. – Если тайна раскрыта, она больше не дает ей власти. Вот как можно ее победить. Кем вы хотите быть: слабаками или храбрыми мастерами?

– Это я работал в кузнице по ночам! – крикнул Лиам. Он тоже покраснел, а Секретница побледнела, будто отдала цвет и силу обратно хозяину. – Боялся, что, если расскажу, меня тоже обзовут сумасшедшим. – Он спрыгнул с крыльца и сжал запястье Марты. – Прости. Не такой я храбрец, как ты.

– Ты сын старейшины и будешь старейшиной, ты не можешь стать жалким кузнецом! – взревел его отец, хватаясь за перила балкона.

– Могу я хоть один раз сделать, что хочу? – выпалил Лиам. – А теперь твоя очередь, отец. Скажи им правду, или я скажу сам.

Но тут раздался голос девочки из толпы:

– Мама, я не потеряла куклу, она сломалась!

– Милый, это я разбила твою телегу! – призналась какая-то девушка.

– У меня не такие уж больные ноги, мне просто нравится, когда за мной все ухаживают, – сказала седая женщина и отбросила костыль.

И со всех сторон посыпались секреты. Генри думал, что на этом все хорошо закончится, но не тут-то было. Кажется, большинству секретов никто не был рад.

– Как ты мог! Я думала, ты меня любишь!

– Так это ты забрала деньги?

– Ах ты гад! – слышалось отовсюду.

Но все умолкли, когда раздался голос старейшины.

– Настоящий налог не двадцать, а десять процентов. Остальное я брал себе. Я же для семьи! – умоляюще глядя на сына, сказал он. – Ты все унаследуешь!

Все на площади тут же позабыли свои обиды и повернулись к старейшине с такими лицами, что Генри стало за него страшновато. Кажется, старейшине тоже, потому что он ткнул в сторону Секретницы и крикнул:

– Да, я вас обманывал, но она-то всех нас чуть не прикончила! Бей ее, ребята!

Секретница бледнела на глазах, а ее платье выцветало, и наконец стало совершенно белым. Рыжий оттенок из волос пропал, они повисли бесцветными прядями.

– Хватит! – перебил Эдвард. Судя по лицу, он был счастлив, что за остальными новостями его история с медведем как-то забылась. – Я белый рыцарь и повелеваю поступить, как велит традиция. Победенное волшебное существо отпускают на все четыре стороны. Давайте будем уважать правила, и да воцарятся на этой земле мир и процветание! Вон отсюда, Секретница! Деревня свободна!

Секретница перекосилась от злобы, но сразу было ясно: делать тут ей больше нечего. И она побрела прочь.

– А что до секретов, то вы из-за них чуть не погибли. Простите друг друга и живите дальше, – продолжил Эдвард. – Теперь у вас есть дела поважнее, чем

ссоры: искать свои дары, например. Старейшину я своей властью смещаю с должности. Его место по закону должен занять старший сын.

– Я не хочу, – выпалил Лиам.

– До потери Сердца, насколько я знаю из книг, старейшин выбирали, – пожал плечами Эдвард. – Попробуйте сделать то же самое.

Все открыли рты.

– А так можно? – не поверила Марта, и Эдвард рассмеялся.

– Можно. И пожалуйста, не бейте бывшего старейшину. Хватит вашей деревне неприятностей. Просто отправьте его на покой, отобрав все, что он украл. Лиам, проследите за этим?

Тот кивнул и взял Марту за руку. На Эдварда все на площади смотрели с обожанием, несмотря на историю с господином Теодором, и Генри вдруг царапнуло чувство такой зависти, что он едва не задохнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sobol-_ekaterina/igra-mudrecov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)